

DOI: 10.31857/S032103910005042-9

ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» 1930–1950-х годов

В. В. Дементьева

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

В исследовании дан суммарный анализ статей по истории Римской республики, опубликованных в 73 номерах «Вестника древней истории» (13 довоенных и 60 за 15 послевоенных лет). Автор группирует их по следующим тематическим блокам: периодизация римской истории, восстания рабов и рабство как социальный институт, аграрная история республиканского времени, внешняя политика Римской республики, внутривнутриполитические события, право и судопроизводство республиканского Рима, политические учения и идеология, биографии выдающихся римских граждан. Отмечается, что крайне редко представлено было изучение институтов власти (единичные публикации), практически отсутствуют специальные статьи по истории культуры республиканской эпохи. Предваряет рассмотрение римской республиканской проблематики на страницах ВДИ краткая характеристика условий, в которых журнал был создан и изначально существовал, целей, какие перед ним были поставлены.

Автор приводит примеры того, как советские ученые задавались вопросами, ставшими предметом интернациональных дискуссий лишь полвека спустя, как давалась оригинальная реконструкция утраченного фрагмента источника, забытая современными российскими исследователями, и отмечает, что содержательно значимый пласт отечественной историографии стал незаслуженно выпадать из поля зрения российских антиковедов. Делаются выводы о том, что методологические установки теории общественно-экономических формаций наложили отпечаток и на выбор вопросов для изучения, и на трактовки исторических явлений и процессов, но это имело не только негативные, но и значимые позитивные последствия, ибо позволило создать новые направления исследований. Подчеркивается внимание советских специалистов к общетеоретическим моментам (в частности к периодизации римской истории) и констатируется, что настало время и современным российским историкам-античникам на новом уровне знаний так же масштабно и широко ставить исследовательские проблемы, как это делали они.

Ключевые слова: «Вестник древней истории», история Римской республики, советская историография, 1930–1950-е годы

Данные об авторе. Вера Викторовна Дементьева — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, руководитель Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ.

В основу статьи положен доклад на конференции, посвященной 80-летию «Вестника древней истории» (Москва, ИВИ РАН, 18–19 декабря 2017 г.).

STUDYING THE ROMAN REPUBLIC IN THE *VESTNIK DREVNEY ISTORII* IN THE 1930s–1950s

Vera V. Dementyeva

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

The study provides an analytical survey of the articles on the history of the Roman Republic published in the first 73 issues of the *Vestnik drevney istorii* (in the 13 pre-war issues and 60 in the first fifteen post-war years). The author groups them into the following thematic blocks: periodisation of Roman history, slaves rebellions and slavery as a social institution, agrarian history of the Republican period, foreign policy of the Roman Republic, internal political events, law and legal procedure of the Republican Rome, political doctrine and ideology, biographical studies of prominent figures of Republican history. It is noted that there are few studies of the political institutions in the VDI in the 1930s–1950s (isolated publications only), and no articles concerned primarily with the cultural history of the Republican period. The author provides a brief discussion of the conditions in which the journal was created and operated in the early period of its existence, and the goals set for it, before consideration of the treatment of the problems of Roman Republican history in its pages.

The author provides some examples of Soviet scholars addressing questions which became the subject of discussions in international scholarship only half a century later, and of an original reconstruction of a lost source fragment, neglected in recent Russian scholarship. She notes that a significant stratum of the Russian historiography of the ancient world is increasingly overlooked in Russian classical scholarship. She concludes that the methodological principles of the socio-economic formations theory had an impact both on the choice of research questions and on the interpretation of historical phenomena and processes, but it had not only negative but also significant positive aspects, because it allowed the development of new research areas. The author highlights that Soviet scholars paid particular attention to broad theoretical problems (in particular, to the periodisation of Roman history), and argues that the time is ripe for Russian historians of the ancient world to address large-scale research problems at a new level of knowledge, as their predecessors did.

Keywords: *Vestnik drevney istorii* (*Journal of Ancient History*), history of the Roman Republic, Soviet historiography, 1930s–1950s

Прошедшие с начала издания «Вестника древней истории» 80 лет означают, что первое тридцатилетие существования журнала отстоит от нас на полвека, а потому номера его за этот хронологический отрезок могут быть объектом полноценного исторического изучения: историки-новисты соглашались с тем, что 50 лет — тот срок, когда явление переходит из разряда преимущественно политологического/социологического осмысления в категорию анализируемых методами главным образом исторической науки. Если же объектом изучения является научный исторический журнал, то неразрывно связанными оказываются источниковедческий и историографический ракурсы его рассмотрения. С одной стороны, всякая периодическая печать — исторический источник для исследования соответствующей эпохи; научная периодика позволяет воссоздать картину бытования той или иной науки, ее социальной роли, судеб ученых, атмосферу научных дискуссий и т.д. С другой стороны, опубликованные в научной исторической периодике исследования — факт историографии, они должны быть оценены с точки зрения

вклада в изучение того или иного вопроса, проблемы, темы, или даже целого раздела научного поиска. В отмеченном двуединстве (но с преобладанием второго угла зрения) и рассмотрим один из информационных пластов, содержащихся в ВДИ, а именно: публикации, в которых поднимались вопросы республиканской истории античного Рима, от начала издания этого журнала по первые пятнадцать послевоенных лет включительно, т.е. до изменений в жизни страны и науки, пришедшихся на 1960-е годы.

При обращении к ВДИ 1930–1950-х годов особенно наглядно, видно, как тесно переплетались реальная политика и выбор предмета изучения, идеология и исследовательская методология, социальные установки и результаты наблюдений над историческим материалом. Историк в своих интеллектуальных занятиях никогда не свободен от общества, в котором живет, так же как его мировоззренческие основы и политические взгляды в той или иной степени сказываются (осознанно или не осознанно) на его профессиональных штудиях, но специфика советских лет, особенно довоенных, состояла в том, что обусловленность исторических исследований тогдашней социально-политической ситуацией и официальной идеологией откровенно и подчеркнуто декларировалась, признавалась важной и необходимой. При этом нельзя все сводить к политической конъюнктуре: признание формационной теории как передовой исследовательской методологии входило в сознание, определяло философские воззрения исследователей, создавало искреннюю убежденность в правильности такой позиции. «Появление “Вестника древней истории”, — писал первый редактор ВДИ А.С. Сванидзе в передовой статье первого номера журнала, — один из многочисленных возможных ответов на призыв партии об укреплении исторического фронта»¹. То, что для создания первого специализированного советского исторического журнала был выбран участок фронта в виде поля древней истории, представляется обусловленным контекстом тогдашних событий и процессов как внутри страны, так и на международной арене — при всей видимой случайности ситуации лоббирования родственником И.В. Сталина при распределении 4 тыс. долларов валютных резервов, о которой пишет С.Г. Карпюк (несколько, как кажется, в пылу полемики перегибая палку в отрицании закономерности появления журнала)². Трактовка Сергея Георгиевича представляется мне излишне упрощенной: если даже согласиться с ним в том, что не следует рассматривать основание журнала «как некий закономерный этап развития советской науки о древности» и что оно «не было ни результатом планомерного развития советской науки о древности, ни прямым следствием эволюции научных или близких к науке институций»³, все равно это была та случайность, в которой проявилась закономерность — закономерность скорее не внутреннего состояния самой науки и ее институтов, а общественных условий, в которых она существовала.

Собственно, С.Г. Карпюк сам справедливо указал на внешнеполитический аспект: в условиях перехода под контроль нацистов европейских исторических повременных изданий (хорошо известна любовь Гитлера именно к античной истории: журналы такого профиля одними из первых оказались под соответствующим идеологическим прессом, попали в руки нацистов и их

¹ Svanidze 1937, 7.

² Karpyuk 2017, 772.

³ Karpyuk 2017, 770, 776.

сторонников) «“Вестник древней истории” стал в некотором смысле антинацистским европейским журналом по древней истории»⁴. Обращение к довоенным номерам показывает, что это было целенаправленным действием редколлегии, и журнал, очевидно, задумывался в таковом качестве, что уже само по себе показывает неслучайность выделения именно на его издание валютных средств: фронт борьбы с фашизмом, включая научно-информационный, к 1937 г. был уже развернут. Война висела в воздухе, и на страницах номеров ВДИ конца 1930-х годов это отражается в виде повышенного внимания к военному искусству древности (печатаются труд Вегеция Рената, тексты греческих полиоркетиков и связанные с этими публикациями статьи А.В. Мишулина⁵), пылающая Испания делает актуальной пиренейскую тематику в ракурсе и древней истории. В ВДИ. 1939. № 2 подборка «Материалы к истории Иберии (древней Испании)» заняла без малого полторы сотни страниц (с. 177–324). Когда Мишулин формулировал задачи журнала на 1939 год, в планируемую тематику вошел «Вопрос о характере войн древности»⁶; последовавшие публикации и были реализацией этого пункта плана.

Кроме того, перед марксистской историографией была поставлена задача противодействия «буржуазной исторической науке» в целом как не опирающейся на самый лучший, по мнению советских специалистов, теоретический инструментарий, к тому же выполняющей «социальный заказ своего класса», допускающей «модернизаторское извращение истории древности категориями капитализма с целью апологии последнего и доказательства его извечности»⁷. Вероятно, что для фронта борьбы с «буржуазной исторической наукой» сегмент изучения древности Запада и Востока (в совокупности) представлялся во всех отношениях оптимальным. И если появление «Вестника древней истории» и не было следствием воссоздания кафедр древней истории в 1934 г. и создания сектора древней истории в Институте истории АН СССР, как это аргументирует С.Г. Карпюк, то нетрудно видеть, что это были звенья одной цепи, явления одного порядка, одной направленности, одних целей и задач.

Хорошо вспаханное к первой трети XX в. «буржуазной наукой» поле древней истории было весьма подходящим для поля как собственно битвы (если речь шла об убежденности в необходимости внедрения в исторические исследования марксистской теории), так и имитации этой битвы (если речь шла о поверхностном согласии с данной теорией): сделав необходимые формальные методологические упреки зарубежным исследователям, можно было не выпадать из общего исследовательского процесса и поступательного накопления знаний. В отношении истории новейшего времени, тем более применительно к последнему периоду российской истории, оставаться в русле общего с зарубежными коллегами научного поиска было практически невозможно, нужно было создавать свою отдельную историографию, ибо здесь все время вставал вопрос политической оценки событий и процессов. Замечу, что, на мой взгляд, советские специалисты в области древней истории в течение всего социалистического периода так и не выпали из этого единого русла

⁴ Mishulin 1938, 12.

⁵ Mishulin 1940a, 219–230; 1940b, 385–393.

⁶ О плане работ редакции «Вестника древней истории» на 1939 год. ВДИ. 1938. № 4. С. 266.

⁷ Mishulin 1938, 12.

мировой историографии (как не выпали, например, и медиевисты), — они лишь искали свои новые исследовательские сюжеты и темы, которые коррелировали бы с марксистской теорией общественного развития (изучая сферу производственных отношений, социальную борьбу и т.д.), но при этом ценили сделанное иностранными коллегами, а те, со своей стороны, уважали и их достижения. «Вестник древней истории» изначально предоставлял свои страницы крупным зарубежным ученым: в 14 номерах, вышедших до войны, было опубликовано в общей сложности 13 статей иностранных специалистов⁸.

Мне приходилось по просьбе немецких коллег писать статьи о нашей дискуссии 1920-х — начала 1930-х годов об азиатском способе производства (АСП)⁹. И в тех обсуждениях обращала на себя внимание атмосфера партийного собрания с наклеиванием ярлыков и обвинениями в троцкизме, богдановщине и т.п., выпадами политического характера. Десять лет спустя подобного характера обсуждений на страницах ВДИ мы уже не обнаруживаем. Изменилось ли время, люди ли были другие, — возможно, то и другое.

Советские специалисты по античной и древневосточной истории прекрасно отдавали себе отчет в том, что их наука стоит на фундаменте мировой, включая российскую дореволюционную, и отнюдь не скрывали этого. «Наука о древнем мире в СССР», — писал С.Л. Утченко через 10 лет после создания ВДИ, — не возникла внезапно на пустом месте: ее развитие тесно связано с лучшими достижениями как мировой, так и русской дореволюционной науки о древности. Советские историки в своих трудах продолжают развивать передовые традиции таких корифеев русской науки, как Б.А. Тураев, М.В. Николаевский, М.С. Куторга, В.В. Латышев, С.А. Жебелёв и др., обогативших мировую сокровищницу науки ценными исследованиями, изданием памятников и археологическими открытиями¹⁰.

«Вестник древней истории» изначально был реализован в универалистских принципах понимания древней истории, соединения под одной обложкой

⁸ Автором пяти статей был знаменитый чешский хеттолог Бедржих Грозный (родившийся в Австро-Венгерской империи и поэтому относившийся до ее распада к австрийским ученым), в то время еще официально носивший имя Фридрих: в одной из них он сообщал о своих впечатлениях от чтения лекций в городах СССР о хеттах, их языке и письменности, а остальные были собственно научными (Hrozný 1937a, 14–23; 1937b, 24–32; 1938, 18–33; 1940a, 15–34; 1940b, 15–23). Две статьи принадлежали датскому востоковеду (религиоведу) Дитлефу Нильсену (Nielsen 1937, 94–113; 1938, 36–48). Обзор главных успехов в изучении древней истории за предшествующие полвека представил немецкий ассириолог Карл Фридрих Леманн-Гаупт, прославившийся созданием свода урартских надписей (Lemann-Haupt 1937, 39–65; обзор остался без объявленного редакцией продолжения: автор умер в 1938 г.). Были опубликованы статья знаменитого английского археолога Артура Эванса о линейном письме Крита (Evans 1939, 10–39), извлечения из доклада об этрусках швейцарского философа Ганса Мюленштейна, с которым тот выступал в Ленинграде на заседании исторической секции АН СССР (Mühlenstein 1938, 49–64). Семитолог и иранист Шарль Виrolло напечатал в журнале свою статью о финикийской литературе (Virolleaud 1937, 78–86), а американский папириолог Нафтали Льюис, признанный теперь одним из ведущих для второй половины XX в. (см. Bratkin 2013, 511), — статью о римском Египте (Lewis 1939, 19–33; в Указателе к журналу автор назван Нафтали Л., т.е. ошибочно вместо фамилии — имя, а от фамилии — инициал: см. *VDI Index* 2012, 10).

⁹ Dement'eva 2003, 18–27; Dementieva 2005, 157–169.

¹⁰ Utchenko 1947b, 3.

проблематики изучения Древнего Востока и греко-римской античности, а поначалу даже и истории славян, включая древнерусское государство. Это весьма способствовало тому, что в нашей стране история древнего мира сохранялась и сохраняется как единая отрасль науки. Пять лет назад я писала: «Выражением этой значительной “синтезированности” является... первоочередно журнал “Вестник древней истории”, синергетический вклад которого трудно переоценить»¹¹.

Естественно, что при всем универсализме подхода изучение тех или иных социумов на страницах журнала могло быть представлено в заметно отличающихся пропорциях: к числу публиковавшихся сравнительно редко относились материалы по истории Римской республики, да и в целом римская проблематика не входила в число приоритетных. К тому же, как кажется, вообще в первые десятилетия издания журнала доминировала древневосточная тематика; тому, видимо, были свои причины, в первую очередь кадровые.

ВДИ как главное отечественное издание по древней истории служит самым, пожалуй, незамутненным зеркалом, адекватно отразившим состояние той или иной отрасли изучения древнего мира в нашей стране, во всяком случае на ее «верхнем этаже»: в журнале публиковались самые заслуженные авторы и лучшие достижения. Это относится, безусловно, и к римской истории. Информация о состоянии и характере изучения проблем римской истории в Советском Союзе может быть найдена на страницах ВДИ не только при анализе статей, непосредственно посвященных тем или иным вопросам, прямо к ней относящимся. Есть много ценных замечаний и в статьях более широкой проблематики (в том числе и в идеологически заостренных рецензиях), в разделах «Критика и библиография», «Хроника», в обсуждениях содержания учебной литературы и многотомных академических изданий.

¹¹ Dement'eva 2012, 357. Универсалистский подход Эд. Мейера активно обсуждался в первой трети XX в., он был применен и в «Кембриджской древней истории», на что обращал внимание на страницах ВДИ Л.А. Ельницкий (El'nitskiy 1938, 278), который находил, что редакция рецензируемого им издания взяла у Эд. Мейера и принцип построения всего материала, и синхронистический принцип изложения, подчеркнув, что об «общей перспективе», имевшейся в труде Мейера, не заботились те, кто писал ряд очерков для этого издания. Анализу исторических взглядов Эд. Мейера в ракурсе рассмотрения построения (композиции) его труда была посвящена специальная статья С.И. Протасовой (Protasova 1938, 298–313). Она сравнивала «конструкцию» труда Эд. Мейера с серийными многотомными изданиями по всемирной истории, в первую очередь с французским «Народы и цивилизации», выходившим под редакцией Луи Альфана и Филиппа Саньяка, где, на ее взгляд, «в самом построении нет того приема, который так характерен для Мейера: выделение основного исторического стержня, который группирует вокруг себя историю менее значимых политических центров» (Protasova 1938, 311). При обсуждении на страницах ВДИ структуры готовившихся тогда советских обобщающих трудов по древней истории взвешивались возможности следования выстраиванию материала в ключе Эд. Мейера, при этом В.С. Сергеев и Н.А. Машкин отвергали «последовательный синхронизм» Мейера, считая, что он «не достигает цели, поскольку излагаются события таких стран, какие в определенное время не имели соприкосновения», и «при таком изложении теряется значимость истории той или иной страны, как наиболее важной для данной эпохи» (Sergeev, Mashkin 1938, 346.) Последнее утверждение контрастирует с мнением С.И. Протасовой об «основном историческом стержне», в роли которого у Мейера выступал главный политический центр определенной эпохи.

Естественно, что публикации источников тоже очень важны для понимания того, что и когда вызывало интерес, в каком контексте комментировалось. Но первоочередным является, конечно, анализ публикаций, содержащих развернутое изложение того или иного вопроса, т.е. статей по той или иной проблеме исторической романистики.

Проанализированы были 13 довоенных номеров и 60 номеров за 15 послевоенных лет, всего 73 номера журнала. Если сравнить общее количество статей по истории Римской республики и истории Римской империи (при этих подсчетах не берем раздел «Критика и библиография», будем считать только собственно исследовательские работы, однако некоторые аналитические обзоры историографического плана, помещенные в этот раздел, учтем), то по Империи опубликовано было за анализируемый период примерно на четверть статей больше: порядка 55 по Республике и немногим более 70 по Империи. За довоенный период из 21 «римской» статьи 6 — по эпохе Республики, 14 — по Империи, одна статья (В.Н. Дьякова¹²) охватывает времена и Республики, и Империи. Причем из шести отнесенных нами к республиканской истории Рима, две статьи Д.П. Каллистова, строго говоря, были посвящены Боспору римского времени¹³. Но они важны и для освещения римской истории, поскольку Каллистов боролся с преувеличением римского могущества, ставя в центр своего внимания «вопрос о соотношении сил в процессе установления взаимоотношений между римской мировой державой и Боспорским царством», о том, «был ли Боспор только пассивным объектом римской политики», склоняясь к тому, что это был «сложный процесс борьбы сил и взаимодействия с перевесом сил то на одной, то на другой стороне»¹⁴.

Основная проблематика изучения Римской республики на страницах ВДИ 1930—1950-х годов в суммированном виде может быть представлена некоторым количеством исследовательских блоков (разумеется, часть их может пересекаться в содержательной плоскости). Рассмотрим их последовательно.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

Интерес к периодизации был закономерен для советских антиковедов. Он возник на основе разработки комплексного восприятия (изучения) древнего общества. Уже в 1930-е годы они ставили задачу (в реальности труднодостижимую, но они ее ставили, что само по себе показывает масштабность их подхода) взаимосвязанного изложения различных сторон жизни римского общества в обобщающих трудах. В частности, В.С. Сергеев и Н.А. Машкин призывали не отрывать внутреннюю историю от внешней, социальную — от военной и, например, излагать римское право не в особых главах (в рамках римской культуры), а рассматривать на основе правовых установлений экономические отношения, социальную жизнь и т.д.¹⁵

С.И. Ковалев в середине 1950-х годов предложил отказаться от периодизации Римской истории, основанной на такой критерии, как политическая организация. Он писал: «Принципом периодизации не могут служить политические отношения, как надстроечные и производные. Поэтому, в частности,

¹² D'yakov 1940, 71—88.

¹³ Kallistov 1938a, 276—286; 1938b, 174—183.

¹⁴ Kallistov 1938a, 277.

¹⁵ Sergeev, Mashkin 1938, 347.

необходимо отбросить общепринятое деление истории Рима на царский, республиканский и императорский периоды. Политические моменты могут быть использованы только в качестве вторичного принципа периодизации или внутри более широких периодов, как их подразделения»¹⁶. Это означало, что полностью отказаться от учета изменений политического устройства в своей периодизации Сергей Иванович не смог (стремясь к комплексному рассмотрению римского общества в каждом хронологическом срезе), но в результате периодизация приобрела рыхлый вид из-за этой разницы в основаниях деления при ее построении.

Хронологически предложенные им восемь периодов (на основе, как он подчеркивал, развития производственных отношений, т.е. рабовладельческого способа производства) были разграничены следующим образом¹⁷:

1. Начало I тысячелетия — середина VI в. до н.э. («Возникновение римского поселения. Период территориальной патрицианской общины и военной демократии. Этруские влияния.»)
2. Середина VI в. до н.э. — 80–60-е годы III в. до н.э. («Период становления рабовладельческих отношений и революционной ликвидации первобытно-общинного строя в Риме. Развитие мелкой частной собственности на землю. Завоевание Италии.»)
3. 80–60-е годы III в. до н.э. — 30-е годы II в. до н.э. («Развитие рабовладельческих отношений и рост крупной рабовладельческой собственности в Италии. Начало упадка мелкой крестьянской собственности. Олигархическая республика нобилей в Риме. Время больших римских завоеваний. Греческие влияния. Возникновение римской литературы.»)
4. 30-е годы II в. до н.э. — середина I в. н.э. («Расцвет рабовладельческой системы в Италии. Торжество крупной земельной собственности и латифундиального централизованного рабовладельческого хозяйства. Развитие торгово-ростовщического капитала. Разорение крестьянства. Гражданские войны. Падение республики. Образование римской средиземноморской державы.»)
5. Середина I в. н.э. — 60-е годы II в. н.э. («Расцвет рабовладельческой системы Средиземноморья и начало хозяйственного кризиса в Италии. Консолидация класса средиземноморских рабовладельцев. Система принципата. Расцвет римской культуры. Первоначальное христианство.»)
6. 60-е годы II в. н.э. — конец III в. н.э. («Начало общего кризиса рабовладельческой системы Средиземноморья. Нарушение закона обязательного соответствия. Развитие колоната и рабского пекулия. Гражданские войны и вторжения “варваров”. Отмирание республиканских пережитков в политической надстройке (формирование домината).»)
7. 80-е годы III в. н.э. — 30-е годы IV в. н.э. («Период временного ослабления кризиса. Развитие крепостнических отношений. Крупная земельная собственность и мелкое хозяйство. Система домината. Превращение христианства в надстройку поздне рабовладельческого общества.»)
8. Середина IV — середина V в. н.э. («Падение Западной римской империи.»)

Как видим, второй период у С.И. Ковалева завершается временем, которым мы теперь заканчиваем раннюю Республику, а третий включает классическую (среднюю) Республику. Поздняя Республика объединена с ранним Принципатом.

¹⁶ Kovalev 1955, 108.

¹⁷ Kovalev 1955, 109–116.

В этой периодизации есть и хронологические неувязки: два последних этапа состыкованы либо с перехлестом временных отрезков, либо с их пропусками. Но главный порок ее заключался именно в попытке построить периодизацию одновременно на основе разных критериев: социально-экономических факторов и изменений политической системы. Например, завершение второго периода, названного «Период становления рабовладельческих отношений и революционной ликвидации первобытно-общинного строя в Риме» связывалось Ковалевым с окончанием борьбы плебеев с патрициями и завоеванием южной оконечности полуострова¹⁸, т.е. явно хронологическая рамка устанавливалась на основе иных параметров, чем это декларировалось в названии периода.

Критику периодизации, предложенной С.И. Ковалевым, дал в ВДИ профессор П.Н. Тарков, специалист по истории эллинизма. Он не оспаривал, а поддерживал тезис о том, что в основу периодизации должен быть положен принцип развития производственных отношений, но подчеркивал, что «даже не будучи защитником устоявшейся традиционной схемы деления римской истории на царский, республиканский и императорский периоды, трудно согласиться с новой схемой, предложенной С.И. Ковалевым»¹⁹. Тарков ратовал за своеобразный компромисс — оставить периоды, заменив их названия: «Речь может идти о замене традиционно установившихся названий, и не более того»²⁰. Он выступил против понимания Ковалевым борьбы плебеев с патрициями как революции, направленной против первобытно-родовых отношений, полагая, что патриции становились «замкнутой аристократией», а это сопровождалось укреплением «элементов частной собственности»²¹. Тарков не нашел «логическую и смысловую разницу между развитием и расцветом рабовладельческих отношений в Италии», «между упадком крестьянского хозяйства и разорением этого крестьянства», отметив, что «они не могут быть характерными признаками двух разных периодов»²². Не согласился он и с трактовкой Ковалевым падения полиса как результата деградации крестьянства, подчеркнув, что в борьбе с этим крестьянством выросла империя (появление которой он назвал «объективным выражением военно-рабовладельческой диктатуры»)²³.

Разумеется, критически анализируя эту дискуссию с позиций науки сегодняшнего дня, можно усмотреть заблуждения в позициях и того, и другого оппонента: с одной стороны, я не обнаруживаю «падения» римского полиса (*civitas*) в период формирования империи, хотя признаю, что результат изменений в нем был отчасти обусловлен трансформацией роли крестьянства как социальной опоры полисного строя, но, с другой стороны, не могу, как и все современные российские историки, характеризовать политическую организацию принципата в терминах «военно-рабовладельческой диктатуры». В целом же, представляется, что П.Н. Тарков менее глубоко вникал во внутреннее развитие римского государства и его экономической системы, более

¹⁸ Kovalev 1955, 109.

¹⁹ Tarkov 1956, 131.

²⁰ Tarkov 1956, 131.

²¹ Tarkov 1956, 132.

²² Tarkov 1956, 133.

²³ Tarkov 1956, 134.

поверхностно и схематично подходу к периодизации его истории, но это привело к меньшему радикализму в ломке устоявшихся ее хронологических делений. Он считал «более целесообразным придерживаться старых хронологических рамок трех периодов, из которых каждый (царский, республиканский, императорский) в свою очередь было бы целесообразно поделить примерно поровну в смысле времени на два этапа»²⁴. В итоге у него получилась (в кратком изложении) следующая периодизация:

I период: Рим — община. Первый этап этого периода от рубежа II—I тыс. до середины VIII в. до н.э. (традиционной даты основания Рима). Второй этап — царский период (середина VIII — конец VI в. до н.э.)

II период: Рим — рабовладельческая республика. Первый этап — до завоеваний Апеннинского полуострова (с конца VI до середины III в. до н.э.), второй — от середины III в. до н.э. до конца гражданских войн.

III период — Римская рабовладельческая империя (первый этап — Принципат, второй — Доминат).

Естественно, в периодизации П.Н. Таркова нашлось место и «военной демократии», и «нарастанию классовой борьбы»²⁵, но складывается впечатление, что он вполне осознанно стремился просто придать традиционной периодизации внешнюю «марксистскую» оболочку формационной теории, чтобы и периодизацию не разрушать, и методологические установки соблюсти. Понятно, что если новое строится плохо, то лучше уж старое не ломать, но таким подходом во многом обесценивался важный посыл, заложенный в усилиях С.И. Ковалева: необходимость заново осмыслить логику развития римской истории.

Казалось бы, обсуждение периодизации римской истории на страницах ВДИ закончилось возвращением на круги своя, лишь обновлением названий периодов, но значение подобных обсуждений заключается в том, что авторы статей по данному поводу стремились дать некую принципиальную схему развития исторического процесса римского государства, пытаясь взглянуть на него обобщенно, в теоретическом ракурсе. Спустя почти два десятилетия ВДИ вернется к проблемам периодизации — в более широком контексте всей древней истории — публикацией статьи В.И. Кузищина, в которой автор предложил выделить три стадии (или фазы) рабовладельческой формации, составляющие, как он считал, ее «полный цикл развития»²⁶: становление формации, зрелые ее формы и третья стадия — ее кризис. Применительно к первой стадии Кузищин писал, что «в древности стадия становления рабовладельческой формации в Италии, Галлии и Испании была короче, чем, например, в греческих полисах»; для последней фазы отмечал ее различную длительность в разных регионах: «В античном Западном Средиземноморье последний этап рабовладельческой формации был относительно коротким, около двух с половиной столетий, в то время как в Восточном — Византии — он затянулся на шесть столетий»²⁷. Судя по тексту статьи, Римскую республику (во всяком случае II—I вв. до н.э.) Василий Иванович относил к «стадии функционирования зрелых форм», ибо в связи с ней упоминал «сицилийские

²⁴ Tarkov 1956, 137.

²⁵ Tarkov 1956, 137–138.

²⁶ Kuzishchin 1974, 81.

²⁷ Kuzishchin 1974, 81.

восстания и движение Спартака»²⁸. Эта стадия характеризовалась «наиболее полным соответствием производительных сил и производственных отношений, создающим максимально благоприятные условия для расцвета всех сторон общества, его экономики», тем, что «происходит формирование типичной для данной формации классовой и социальной структуры, ее известное упрощение, поскольку именно теперь достигает наиболее четкого проявления основной классовой антагонизм, подчиняющий себе все другие»²⁹. В.И. Кузищин выступил тем самым как антиковед, который стремится использовать методологию в качестве действенного инструмента познания внутренних основ социального развития. Можно, разумеется, не соглашаться с той методологией, которую он применял, но нельзя не признать, что отечественные специалисты по древней истории советского времени стремились «за деревьями увидеть лес», не ограничиваться частными сюжетами своих исследований, а очертить явление целиком, в главных, сущностных его чертах, выявить суть и закономерности изменений в нем.

Этого — глобального осмысления (а периодизация — не что иное как обобщающий аналитический взгляд на объект в целом и в его развитии), — сейчас очень не хватает нам, современным исследователям античного Рима. Если мы положим в основу понимания данного процесса становление и изменения *civitas*, прекращение ее существования на каком-то этапе (а мы пока не определили этот исторический отрезок), то как будет выглядеть общая его схема? Отсутствие ее и вызванные этим отсутствием исследовательские нестыковки понятийного характера наглядно демонстрирует дискуссия по поводу «*quasi civitas*» Я.Ю. Межевицкого³⁰. Остается надеяться, что российские антиковеды в обозримом будущем займутся периодизацией римской, да и всей античной, истории на основе такого критерия, как полисная организация, ее возникновение, развитие и уход с исторической сцены. Построение такой периодизации на современном уровне состояния науки представляется мне рациональным и соответствующим пониманию полиса как структурообразующего элемента греко-римской цивилизации.

ВОССТАНИЯ РАБОВ. РАБСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Рабские восстания — первый объект внимания авторов ВДИ, писавших о Римской республике; отсчет посвященных им публикаций начался самого первого номера журнала, со статьи А.В. Мишулина о восстании Спартака³¹. Изучение социального протеста рабов в Римской республике в первое 40-летие после 1917 г. было приоритетным, поскольку для советских исследователей являло собой наглядный пример классовой борьбы, — в идеологическом плане это рассматривалось как насущная задача. О предвоенном периоде развития советской науки о древности (с середины 1930-х годов) впоследствии на страницах ВДИ будет сказано: «Классовая и социальная борьба рассматривалась как движущая сила этого (рабовладельческого. — В. Д.) общества,

²⁸ Kuzishchin 1974, 83.

²⁹ Kuzishchin 1974, 83.

³⁰ Dementyeva 2017, 752–768.

³¹ Mishulin 1937, 133–142.

определявшая его основные особенности»³². Статья Александра Васильевича явилась, как 10 лет спустя после публикации охарактеризовал ее С.Л. Утченко, «завершением многолетних исследований автора о великом восстании рабов», в котором давалось «новое освещение неоднократно дебатировавшегося в литературе вопроса о причинах раскола среди восставших», подчеркивался «социальный характер этого раскола»³³. Вклад Мишулина, заслуженно считавшегося в советской историографии первым крупным исследователем восстания Спартака, в том числе достоинства и недостатки его работ, не раз подвергались специальному анализу³⁴, здесь же следует отметить, что на страницах ВДИ его статья положила начало обсуждению дискуссионных проблем данной тематики, особенно вопросов хронологии. В журнале это нашло отражение в двух пиках повышения интереса к исследовательским вопросам восстания: сначала в период до конца 1940-х (статья А.П. Дьяконова³⁵ и отчасти работа Н.А. Машкина, в которой движение рабов и колонов в провинции Африка сопоставлялось с рабскими восстаниями II—I вв. до н.э.³⁶), затем уже во второй половине 1950-х годов (статьи С.И. Ковалева и А.А. Мотус, посвященные датировке восстания Спартака³⁷).

Проблематика, которую можно обозначить «рабство как социальный институт», начинает находить место на страницах журнала только с 1950-х годов, и сначала это были публикации параграфов из «Всемирной истории», написанных С.Л. Утченко³⁸. Проблема рабства эпохи Республики в журнальных статьях рассматривалась либо в качестве узко специального сюжета (как у Я.Н. Коржинского, который анализировал комедии Плавта и Теренция на предмет выяснения отношения рабов к получению ими свободы, подчеркивая при этом различную трактовку рабства и отпуска рабов на волю этими римскими авторами)³⁹, либо же целиком в теоретическом ключе изучения античного рабовладения с использованием среди прочего и римского материала⁴⁰.

Е.В. Ляпустина еще четверть века назад дала справедливую и точную характеристику исследований нашими учеными проблематики рабства и восстаний рабов: «О научной добросовестности советских историков того времени говорит и то, что их труды вовсе не были образцом бесплодного социологизаторства... Тема рабских восстаний в марксистской, и прежде всего советской, науке, заслуживает самого серьезного отношения, что, впрочем, признано уже давно»⁴¹.

Хайнц Хайнен, встречаясь со мной в Трире в 2005 г., призывал заняться обобщением вклада советских историков в изучение рабовладения, а мне тогда казалось это неактуальным: еще не пришло осознание значимости

³² 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие советской исторической науки о древнем мире. *ВДИ*. 1977. № 4. С. 7.

³³ Utchenko 1947b, 5.

³⁴ Korzheva 1974, 118–134; Shofman 1985, 84–204.

³⁵ D'yakonov 1940, 62–70.

³⁶ Mashkin 1949b, 51–61.

³⁷ Kovalev 1956, 12–17; Motus 1957, 158–166.

³⁸ Utchenko 1951, 15–21; 1953, 157–165.

³⁹ Korzhinskiy 1957, 149–158.

⁴⁰ К обсуждению проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире. *ВДИ*. 1952. № 3. С. 3–11; Kuzovkov 1954, 108–119; Utchenko, Shtaerman 1960, 9–21.

⁴¹ Lyapustina 1992, 255.

результата их масштабных усилий. В статье, опубликованной в ВДИ, он подчеркивал: «Пренебрежение советскими достижениями не пошло бы на пользу никому, и менее всего общему делу изучения античного рабства... нам следовало бы вместе с советскими и постсоветскими историками (в публикации опечатка — «источками». — *В. Д.*) постараться спасти то, что заслуживает спасения». И далее весьма существенное признание: «Советские исследования античного рабства заслуживают нашего внимания как с точки зрения конкретных результатов, так и в отношении методологии». По сути дела, так же как существование СССР и его успехи в деле социальной защиты населения заставили Запад прикладывать серьезные усилия для подъема социальной сферы (ему пришлось принять этот вызов страны социализма), так и в науке об античности западным историкам пришлось активно заняться рядом проблем социальной и экономической истории. Продолжу цитирование Х. Хайнена: «Без вызова, которым послужила советская марксистская концепция рабства, не было бы проекта Майнцской академии по изучению рабства»⁴².

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Этой проблематике посвящено около десятка статей, опубликованных в журнале изучаемого времени. Из них половина написана М.Е. Сергеенко⁴³. Две статьи непосредственно по аграрной истории принадлежат В.И. Кузищину⁴⁴, начавшему публиковаться в 1950-е годы (всего имеется шесть его публикаций за рассматриваемый нами период). Но если Василий Иванович в значительной степени обобщил в своих последующих монографиях материал опубликованных в ВДИ статей, то Марии Ефимовне удалось это сделать в гораздо меньшей степени, поэтому при анализе ее вклада в изучение истории сельского хозяйства римского государства журнальные статьи особенно важны. Сергеенко стремилась рассмотреть его в региональном ракурсе («местном», «краевом», в ее терминологии), при этом охватить не только собственно агротехнические моменты, но и взаимоотношения людей разного статуса в этой сфере, показывая жизнь простого работника — раба и колона. Обратившись после войны к фрагментарно сохранившимся текстам «Земледелия» Сазерны, римского агронома рубежа II—I в. до н.э., Мария Ефимовна, умевшая писать интересно, прекрасным слогом о вещах, казалось бы, сугубо приземленных, нарисовала яркими штрихами картину сельскохозяйственной жизни Цизальпинской Галлии. Она вводила читателя в мирок крупного поместья, показывая и его производство, и его тружеников — крестьян-арендаторов, причем в таком органичном соединении человека и трудов его рук, что ей даже удавалось «определить, если позволено будет так выразиться, классовую физиономию некоторых полевых злаков»⁴⁵. При всем внешне бытописательном характере подачи уникального материала источника ненавязчиво возникают результаты аналитической работы исследователя: принципиально значимые выводы о сохранении традиционного хозяйственного уклада региона после покорения римлянами долины реки По.

⁴² Heinen 2014, 170.

⁴³ Sergeenko 1946, 70–80; 1947, 64–69; 1948, 206–208; 1949, 86–91; 1953, 65–76.

⁴⁴ Kuzishchin 1957, 64–80; 1960a, 46–60.

⁴⁵ Sergeenko 1946, 79.

При изучении фрагментов агрономического трактата другого «утерянного сельскохозяйственного писателя» — Трелллия Скрофы, современника Варрона, — М.Е. Сергеенко опять-таки не просто систематизировала сохранившуюся информацию источника, но, вписав ее в контекст развития античной агрономической мысли, обосновала, что к середине I в. до н.э. сложилась теория, в соответствии с которой вести хозяйство, выгодное для государства, мог только богатый человек⁴⁶. И хотя можно в общем и целом согласиться с В.И. Кузишиным в том, что «М.Е. Сергеенко избегает делать широкие выводы из анализируемого ею материала, предпочитая выводы частного порядка», что у нее «сильнее представлен анализ материала, чем синтез его результатов»⁴⁷, тем не менее накопленная в ее работах историческая фактура позволяет увидеть многие существенно важные стороны развития сельского хозяйства римского государства.

Всего с 1940-х по 1980-е годы М.Е. Сергеенко опубликовала в ВДИ более 30 статей, преимущественно по истории римского сельского хозяйства, написанных с тщательной проработкой источников вдумчивым специалистом, чьи наблюдения по большому счету не устарели. Представляется, что настало время обобщить сделанное Марией Ефимовной⁴⁸, оценить ее вклад в историографию римской аграрной истории, ибо ее труды делают честь отечественному антиковедению. Вполне закономерно, что подводящая итог процессу развития сельского хозяйства Римской республики к моменту ее заката статья Герхарда Шрота («сводная» работа, по его собственному определению), опубликованная в ВДИ⁴⁹, не в последнюю очередь базировалась на исследовательских достижениях М.Е. Сергеенко. Г. Шрот прослеживал переход от экстенсивного к интенсивному способу ведения хозяйства, положение крестьян в позднереспубликанский период, обеспечение сельскохозяйственного производства рабочей силой, положение занятого в нем населения.

Экономическая история периода Республики за пределами аграрной проблематики не нашла отражения на страницах ВДИ 1930–1950-х годов.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В первую тройку «тематических лидеров» (деля второе–третье места с аграрной проблематикой) по количеству статей «Вестника древней истории» 1930–1950-х годов, относящихся к республиканской истории Рима, безусловно, входят публикации, посвященные его внешней политике. Вместе с работами по международным отношениям в целом⁵⁰ их насчитывается тоже добрый десяток; подавляющая часть относится к изучению периода Поздней республики, и только статья И.Л. Маяк посвящена выведению Римом колоний в Италию в раннюю и классическую Республику⁵¹.

Статьи в довоенных номерах журнала по этой тематике ограничивались географическими рамками тех регионов, которые на тот момент входили (хотя бы частично) в Советский Союз: изучалось римское проникновение

⁴⁶ Sergeenko 1947, 64–69.

⁴⁷ Kuzishchin 1960b, 143.

⁴⁸ Список трудов М.Е. Сергеенко см. в Gavrillov, Kazanskiy 1993, 316–328.

⁴⁹ Schrot 1959, 56–82.

⁵⁰ См. Tarkov 1950, 28–36.

⁵¹ Mayak 1956, 145–153.

в Закавказье и Северное Причерноморье. Академик Яков Амазаспович Манандян прослеживал маршруты походов Помпея в Армении, Иберии, Колхиде и т.д., детально сопоставляя сведения источников и ведя аргументированные дискуссии по этому поводу с зарубежными учеными⁵². Дмитрий Павлович Каллистов и Владимир Николаевич Дьяков изучали экспансию Рима на припонтийских землях; первый — римскую политику по отношению к Боспорскому царству при Фарнаке и Асандре, а второй в политико-географическом ключе (выходя далеко за пределы собственно республиканского времени) — пути продвижения римлян к северному берегу Понта и в Крым⁵³.

В 1940–1950-е годы на страницах ВДИ тематика внешней политики республиканского Рима нашла свое выражение в исследовании более широкого набора вопросов. Николай Александрович Машкин рассматривал взаимоотношения Рима с Карфагеном в III–II вв. до н.э., акцентируя внимание не на сражениях Пунических войн, а на линии внутривосточной борьбы в конкурирующих державах (преимущественно в Карфагене)⁵⁴. Краткая публикация Бориса Петровича Селецкого посвящена объяснению того, почему у Саллюстия опущено сообщение о потере римлянами города Цирты в период командования Метелла: он объяснял это политическими предпочтениями и антипатиями автора «Югуртинской войны»⁵⁵. Аристид Иванович Доватур избрал объектом своего изучения вызвавший в историографии много противоречивых мнений сюжет о войне Цезаря с гелльетами (Caes. BG. I. 2–44), проанализировав подробно рассказ об Оргеториге и речь Ариовиста и придя к выводу, что они имели одинаковую направленность: служить политическим целям Цезаря, свидетельствуя о его заслугах⁵⁶. Анатолий Георгиевич Бокшчанин посвятил свою статью битве при Каррах, выделив объективные и субъективные причины ее неудачного исхода⁵⁷. Хотя поводом для написания статьи, как минимум формальным, послужило упоминание Сталиным парфянского контрнаступления против Красса, считать ее чисто конъюнктурным сочинением, полностью лишенным историографической значимости не приходится: автор добросовестно обобщал и осмысливал данные античной исторической традиции.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЭПОХИ

Вдвое меньшим числом статей, чем освещение внешней политики Рима, было представлено в ВДИ 1930–1950-х годов исследование внутренней политики. Оно вращалось преимущественно вокруг знаковых фигур: Цезаря, Цицерона, Катилины, ограничиваясь в основном сюжетами, соприкасавшимися с изучением роли народных масс⁵⁸ и аграрной истории⁵⁹. Г.А. Цветаева полагала, что народ после убийства Цезаря выступил совершенно самостоятельно, волнения длились полтора месяца, были стихийными, однако автор

⁵² Manandyan 1939, 70–82; 1940, 89–100.

⁵³ Kallistov 1938b, 174–183; D'yakov 1940, 71–88.

⁵⁴ Mashkin 1949a, 40–55.

⁵⁵ Seletskiy 1957, 167–169.

⁵⁶ Dovatur 1957, 104–121.

⁵⁷ Bokshchanin 1949, 41–50.

⁵⁸ Ivanov 1940, 69–81; Tsvetaeva 1947, 226–232.

⁵⁹ Gurvich 1949, 241–250.

усматривала в них борьбу против «римской плутократии» («владельцев доходных домов и ростовщиков-торговцев»), отстаивание солдатами и ветеранами своих прав на земельные владения, она подчеркивала участие вольноотпущенников, рабов, ремесленников, т.е. «демократичный» состав и цели движения. Галина Александровна отмечала религиозную окраску волнений, имея в виду почитание и обожествление Цезаря, и делала вывод о большой их роли в дальнейших событиях: «Господствующий класс римского общества, напуганный волнениями, еще острее осознал необходимость новых методов сохранения власти»⁶⁰. Проф. Ю.А. Иванов трактовал заговор Катилины как «симптом полнейшего распада старой системы римского господства», пролог «к тем событиям 50-х годов, из которых родилась потом диктатура Цезаря»⁶¹. Виктор Моисеевич Смирин анализировал две речи Цицерона 81–80 гг. до н.э., «В защиту П. Квинкция» и «В защиту Секста Росция», и находил в них эволюцию политической позиции оратора: от намеков на отрицательное отношение к ситуации, сложившейся при господстве сулланцев, в первой из этих речей до более конкретной и острой критики методов действия Суллы и его окружения во второй; при этом подчеркивалось, что критика эта не касалась «официальной идеологии сулланской партии»⁶². Обращаясь также к Цицерону, но более позднего времени, Перси Борисович Гурвич доказывал, что в конце 64 — начале 63 г. тот не был ни популяром, ни помпеем⁶³.

Самой, на мой взгляд, значимой в концептуальном отношении статьей по внутривнутриполитической истории Республики в ВДИ изучаемого времени явилась публикация исследования Николая Александровича Машкина о римских политических партиях⁶⁴. Да и в целом для аналитического осмысления характера устройства римского государства эта статья очень важна, поэтому остановимся на ней подробнее. Вклад Н.А. Машкина в изучение собственно партийной системы Рима анализировала Н.Н. Трухина, солидаризируясь с его дефиницией римских партий: «В Риме не было оформленных организаций с четкими программами. Н.А. Машкин, подчеркивавший этот момент, характеризовал римские партии как неорганизованные политические течения, в основе которых лежали существенные социально-политические разногласия. С этим общим определением мы можем целиком согласиться»⁶⁵. Трухина подчеркивала новаторский характер подхода Машкина к проблеме: не согласившись с моммзеновской схемой двухпартийной системы в Риме (партий оптиматов и популяров), он «поставил задачу заново исследовать социальный состав и цели римских партий, но не успел приступить к этой проблеме»⁶⁶. Машкин боролся с модернизацией исторического прошлого, отмечая, что «и у Моммзена, и у современного ему поколения либеральных и радикальных историков основная задача социальной истории сводилась к тому, чтобы уподобить явления далекого прошлого событиям XVIII–XIX вв., рассказать о них привычным для европейского политика языком, подыскать современные политические термины, соответствующие тем или иным античным понятиям. Подобный прием

⁶⁰ Tsvetaeva 1947, 232.

⁶¹ Ivanov 1940, 81.

⁶² Smirin 1958, 88–103.

⁶³ Gurvich 1949, 241–250.

⁶⁴ Mashkin 1947b, 126–139.

⁶⁵ Trukhina 1986, 46.

⁶⁶ Trukhina 1986, 47.

интерпретации материала способствовал, несомненно, развитию социальной истории, но он мешал установлению специфических ее особенностей. Античное прошлое наделялось несвойственными ему чертами»⁶⁷.

Но меня в данном случае интересует более широкий ракурс взгляда Н.А. Машкина на политическое устройство Римской республики, поскольку он дал подробную критику теории Маттиаса Гельцера о жестко олигархическом ее характере, почти на четыре десятилетия опередив масштабный отказ от нее в историографии. Совершенно справедливо в редакционной публикации «К 10-летию со дня смерти Н.А. Машкина» эта его статья отнесена к «написанным по весьма существенным вопросам истории Рима»⁶⁸. Машкин считал недостатком исследовательского подхода Гельцера отрыв политической жизни Рима в его освещении от жизни социальной. Он писал об этом, конечно, в духе своего времени: «История римских политических партий неотделима от политической, а следовательно, и классовой борьбы»⁶⁹. Разумеется, Машкин исходил из марксистской методологии, для которой обязателен поиск «базисных основ» в виде способа производства как совокупности производительных сил и производственных отношений, но ведь — и это принципиально важно — предвосхитил отрицание политической борьбы в Римской республике как борьбы исключительно внутри правившей элиты. Рассматривал Машкин и работы последователей Гельцера: Фридриха Мюнцера, Рональда Сайма и др., не соглашаясь с их аргументацией теории римской олигархии. Особенно интересно, что Машкин, отвергнув концепцию Гельцера, не встал и на позиции, которые впоследствии, уже в 1980-е годы и позже, отстаивал Фергюс Миллар в рамках своей концепции «римской демократии». Машкин увидел при анализе источников «недостаточно большую роль римской демократии». Он полагал, что слабость римских демократических элементов государственного устройства была обусловлена не чисто политическими причинами (отсутствие законодательной инициативы у комиций, наличие ее только у магистратов и т.д.); более существенные причины этой слабости, на его взгляд, лежали в социальной организации Рима, отличавшейся от греческой. Он писал: «Большое значение имело то, что комиции не имели политической инициативы. Только магистрат (обычно трибун, реже консул) мог взять на себя инициативу провести новый закон. Нужно, однако, отметить, что этим нельзя объяснить недостаточно большую роль римской демократии. Основное значение имел социальный строй Рима, сохранявший в силу исторических условий аристократические основы. Даже в периоды своего подъема римское демократическое движение никогда не достигало того уровня, на котором оно находилось в некоторых греческих городах в период их расцвета»⁷⁰. По сути дела, уже в 1947 г. Н.А. Машкин предвосхитил те дискуссии о характере римской политической системы, которые масштабно развернутся только через полвека. Мы стали забывать достижения советских антиковедов по причине (как показало после того как формационная теория перестала считаться непогрешимой в трудах российских историков) порочности их методологии. Но активно проникавшая на освободившееся место методология постмодернизма оказалась гораздо более порочной и ненаучной, поскольку навязывала утверждение, что

⁶⁷ Mashkin 1947b, 127.

⁶⁸ Mashkin 1960, 125.

⁶⁹ Mashkin 1947b, 130.

⁷⁰ Mashkin 1947b, 137.

прошлое — порождение мыслящего субъекта, и внедряла определение истории (занятия по изучению прошлого) как операции по созданию вербального вымысла, лишая ее тем самым статуса науки. Осознание того, что советские историки при всех уязвимых местах теории формаций, на которую они опирались, добывали, в отличие от многих постмодернистов, собственно научное позитивное знание, должно привести к возрождению пристального внимания к результатам их труда.

ПРАВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА

Правоотношения и судебный процесс в Римской республике были представлены в ВДИ на изучаемом хронологическом отрезке четырьмя статьями, при этом только одна из них относится к 1940-м годам: статья Мэри Гендерсон о распространении латинского права в Испании при Юлии Цезаре, в которой автор стремилась разграничить сделанное Цезарем и Августом по дарованию муниципальных прав испанским городам, ибо более поздняя деятельность второго заслонила мероприятия первого, тем более что диктатор и принцепс, на ее взгляд, имели одинаковые представления о том, каким обрядам надо давать такие привилегии⁷¹.

Болгарский профессор М. Андреев посвятил свою статью изучению земельной собственности в архаическом Риме. Он исходил из того, что «до образования сельских территориальных триб пахотная земля вместе с пастбищами составляла коллективную собственность патрицианских родов», а «вскоре после основания римского государства» «родовая собственность была серьезно ограничена и даже в основном ликвидирована»⁷², 490 г. до н.э. был «достаточно близким ко времени, когда действительно произошло создание первых сельских триб, при помощи которых была ликвидирована родовая собственность на пахотную землю»⁷³. По рассуждениям М. Андреева, в глубокой древности возникавшая наряду с родовой собственностью семейная «проявила гораздо большую устойчивость, чем родовая, сохранившись отчасти и после двенадцати таблиц», которые «узаконив частную собственность на землю... не смогли отменить существование семейной собственности»⁷⁴. «Имущество, которое обозначается словом *familia*, трактуется как частная собственность и в двенадцати таблицах. Оно противопоставляется так называемому *rescunia* — слово, которым обозначается находящееся в частной собственности имущество»⁷⁵. Семейной собственностью, «видоизмененной под влиянием частной собственности», М. Андреев считал *egro non cito*; так или близко к этому трактовали данный вид собственности многие другие исследователи⁷⁶. Иное понимание в историографии возникает только спустя 45 лет, — Л.Л. Кофанов предложил ее рассматривать как неразделенную собственность товариществ

⁷¹ Henderson 1946, 57–69.

⁷² Andreev 1955, 143.

⁷³ Andreev 1955, 144.

⁷⁴ Andreev 1955, 144.

⁷⁵ Andreev 1955, 145.

⁷⁶ См. Kofanov 2000, 23.

(корпораций), основы такой коллективной собственности, как он отмечал, заложили Законы XII таблиц⁷⁷.

И.В. Шерешевский, отталкиваясь от тезиса о том, что зарубежные историки увлекаются модернизацией римской экономической истории, одним «из наиболее серьезных искажений» считал «преуменьшение роли рабского труда в Риме и преувеличение распространенности в нем свободного и даже наемного труда»⁷⁸. Автор стремился главным образом подтвердить слова классиков марксизма-ленинизма о спорадическом характере применения наемного труда в рабовладельческом обществе и, критикуя перегибы «модернизаторов», сам впадал в другую крайность, утверждая, что имело место «полное игнорирование римским правом найма свободных рабочих»⁷⁹. На ряд существенных недостатков исследования И.В. Шерешевского указала И.Ф. Делищева в статье, опубликованной в ВДИ 23 года спустя⁸⁰. Но статей по конкретно-историческим вопросам жизни римского социума, где бы идеологическая установка доминировала над материалом источников (как у Шерешевского), было гораздо меньше, чем тех, в которых дело обстояло диаметрально противоположным образом.

К числу исследований, отвечавших высоким требованиям антиковедческой науки, относится небольшая статья А.И. Немировского, посвященная реконструкции утраченного фрагмента одного из параграфов закона Ацилия о вымогательстве⁸¹. На примере этой статьи я хотела бы обратить внимание на то, как легко мы забываем результаты трудов наших предшественников, причем результаты, имеющие самое прямое отношение к изучаемым в условиях сегодняшнего дня вопросам. Помню, как в начале 2000-х годов Ия Леонидовна Маяк сетовала, что наши отечественные специалисты по древней истории очень мало обращаются к исследованиям своих же, отечественных специалистов: ориентация идет на зарубежную и на новейшую литературу; в то, что писали лет 20—30 назад российские специалисты, никто уже не хочет вникнуть. Мне казалось тогда, что она преувеличивает. Но с течением времени я осознала ее правоту. Такое забвение порочно, иногда оно просто удручает, как в данном весьма наглядном случае, который рассмотрим повнимательнее.

А.И. Немировский присоединился к тем исследователям, которые датировали закон Ацилия (Семпрония) 122 или 121 г. до н.э. и считали его автором Марка Ацилия Глабриона, коллегу Гая Гракха по плебейскому трибунату. Отметив значимость изучаемого законодательного памятника для решения вопроса о составе судебных комиссий для суда над вымогателями, поскольку сведения античных авторов скудны и противоречивы (Плутарх полагал, что произошел раздел судебной власти между сенаторами и всадниками — *C. Grach*. 5, другие же авторы — что сенаторы были полностью исключены из этих судебных комиссий), Александр Иосифович перешел к вопросу о реконструкции утраченной части текста (количество утраченных знаков неясно, некоторые ученые доводят их число до 30).

⁷⁷ Kofanov 2000, 24—25.

⁷⁸ Shereshevskiy 1955, 39—50.

⁷⁹ Shereshevskiy 1955, 50.

⁸⁰ Delishcheva 1978, 20—37.

⁸¹ Nemirovskiy 1951a, 222—225.

Лакуна в тексте *lex Acilia (Sempronia)*, заполнению которой посвятил свою небольшую статью Немировский, имеется после следующих слов: *pr(aetor) quei inter peregrinos ious deicet is in diebus X proxum(eis) quibus h(ace) l(ege) populus plebesve iouserit facito utei CDLviro le[g]at quei in hac seivit[...]* (*CIL* I² 583)⁸². Задача дополнения данного фрагмента длительное время занимала Моммзена, который предлагал варианты реконструкции в 1863, 1887, 1893 гг., остановившись в конце концов на следующем: *quei in hac seivit[ate equum publicum habebit habuerit* («те, кто среди граждан держал или держит общественного коня»). Проанализировав имеющиеся предложения о заполнении лакуны, Немировский дал свое: *seivit[ate classis primaе sient...* («граждан, которые были бы первого класса»), взяв за основу формулировку из аграрного закона 111 г. до н.э. и сделав вывод об ошибочности сведений Плутарха.

После А.И. Немировского были предложены другие варианты реконструкции, но большинство их авторов продолжают вводить в нее «общественного коня», не обращая внимания на заполнение лакуны советским исследователем, — зарубежные антиковеды так чаще всего поступали и поступают. Через полвека к проблеме реконструкции текста этого значимого источника обратился Т.Г. Мякин, опубликовавший на страницах того же журнала «Вестник древней истории» специальную статью и перевод закона Ацилия (Семпрония) с комментариями к нему⁸³.

Ни в статье Мякина, ни в его комментариях к переводу исследование Немировского не упомянуто. Тимофей Геннадьевич принимает вариант реконструкции, предложенный Клодом Николе (*in hac seivit[ate equum publicum habebit habuerit quoique sestertium... milium n(nummum census siet)*), и использует его для своего перевода⁸⁴. Собственно, Николе взял за основу реконструкцию Моммзена 1893 г., расширив ее. Мякин приводит еще четыре других (три моммзеновских и последовательно поддерживавших его реконструкции Карла Георга Брунса, Эндрю Линтота и Гарольда Мэттингли; двое последних предлагали: *quei in hac seivit[ate ingenui gnatei erunt* («те, кто в этой *civitas* будут рождены свободными»). Более того, Т.Г. Мякин указывает даже, что М. Кроуфорд отказался от каких-либо восполнений для стк. 12⁸⁵, но об имеющейся реконструкции текста А.И. Немировским не упоминает вовсе, а Александр Иосифович предложил свой собственный, принципиально отличающийся вариант. Это стремление ориентироваться на зарубежных авторов, напроочь забывая, что сделали предшественники в своем отечестве, в подобных случаях просто обескураживает.

⁸² А.И. Немировский приводит этот фрагмент в таком виде: *Pr(aetor), quei inter peregrinos ious deicet, in diebus X proxum(eis), quibus h.l. populus plebesve iouserit, factio utei CDLviro legat, quei in hac seivit[...]* (см. *Nemirovskiy* 1951a, 223).

⁸³ Мякин 2007a, 27–47; 2007b, 225–246.

⁸⁴ Перевод Мякина по реконструкции Николе: «Пусть претор, который ведает судом по делам между чужеземцами, в течение ближайших 10 дней, как ему прикажут народ или плебс по этому закону, позаботится избрать (коллегию) четырехсот пятидесяти из числа тех, кто среди граждан (*in hac civitate*) [держал или держит общественного коня и (при этом) обладает цензом в... тысяч сестерциев...]» (см. Мякин 2007b, 231).

⁸⁵ Мякин 2007b, 231, прим. 20.

А.И. Немировский допустил в своей статье некоторые неточности, в частности, пропустил при переводе упоминание о квесторах в перечислении тех, из кого нельзя выбирать судей, но основная его догадка о том, что в законе речь шла о *classis prima*, лично мне представляется заслуживающей внимания. Тем более что формулировка для реконструкции взята им из параграфа аграрного закона 111 г. до н.э., где речь идет о том, из кого следует выбирать рекуператоров (гражданских судей). Разумеется, исследователи могут не соглашаться с предложенным Немировским заполнением лакуны, но они не должны при анализе вариантов восстановления утраченного фрагмента *lex Acilia (Sempronia)* обходить молчанием этот историографический факт.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ. ИДЕОЛОГИЯ

Изучение взглядов римских мыслителей, гражданской идеологии Республики начинает получать отражение на страницах ВДИ с конца 1940-х годов. В подавляющем большинстве это исследования С.Л. Утченко: пять из шести статей. Две из них посвящены политическим воззрениям Саллюстия⁸⁶, две — Цицерона⁸⁷, одна является полемическим научным сочинением по проблеме наличия/отсутствия у римлян идеи народного суверенитета⁸⁸. Разумеется, результаты этих исследований в той или иной форме и в немалой степени вошли в его книги, но в монографиях, по сравнению со статьями, отдельные выводы становились не столь категоричными (а журнальная заостренность дискуссии — при всей опасности впадения в крайности — бывает очень полезна для выявления сути исторических реалий), обобщения более высокого уровня вытесняли конкретику наблюдений над источниками, которая осталась в статьях. Кроме того, при изложении одного и того же вопроса в статье и книге Сергей Львович нередко, как показывает сравнение, стремился не повторяться дословно, поскольку общая цель написания текста (поставленная в названии исследования проблема) менялась, а ученый всегда выстраивал изложение в логике раскрытия темы. Все это заставляет признать самоценность статей С.Л. Утченко в ВДИ о взглядах, идеях и теориях Саллюстия и Цицерона при определении совокупного историографического вклада этого выдающегося отечественного антиковеда.

В упомянутой статье 1960 г. (она имеет отношение не только к идеологии, но и к публичному праву, и к политической истории) Утченко сразу заявлял о своем неприятии идущего от французских просветителей утверждения, что «идея народного суверенитета одухотворяла неписаную конституцию древних римлян», и вступал в дискуссию с Моммзеном, который «настойчиво проводит мысль об исконной суверенности римского гражданства»⁸⁹. Сергей Львович полемически заострил вопросы, была ли свойственна римлянам идея народного суверенитета и справедливо ли утверждение Т. Моммзена, поддержанное его последователями, что верховная власть граждан реализовалась в деятельности комиций и именно комициям (и только им) принадлежала суверенная власть в государстве. Утченко анализировал понятие *populus*,

⁸⁶ Utchenko 1948, 190–202; 1950, 229–254.

⁸⁷ Utchenko 1949b, 74–85; 1954, 21–32.

⁸⁸ Utchenko 1960, 58–75.

⁸⁹ Utchenko 1960, 58.

рассматривал *leges de maiestate*, придя к выводу, что *maiestas populi* «не содержит в себе и следов народного суверенитета»⁹⁰. Точно так же он не нашел «даже и тени народного суверенитета»⁹¹ в *provocatio ad populum*. Его категоричный вывод, что «идея “народного суверенитета” была чужда самим римлянам»⁹², представляется мне неверным; гораздо ближе, на мой взгляд, отражает римскую действительность представление о том, что существовала идея делегированного суверенитета от народа (гражданского коллектива как носителя государственного верховенства) к высшим магистратам⁹³. Но несогласие с этим и другими отдельными положениями, пусть и принципиальными, ни в коем случае не повод считать труды Сергея Львовича устаревшими.

С.А. Ошеров, в отличие от С.Л. Утченко, не издал ни одной монографии, но его антиковеды хорошо знают как блестящего переводчика римских авторов, прежде всего Вергилия и Сенеки. Вместе с тем, в ходе подготовки кандидатской диссертации «Римский исторический эпос эпохи республики и его традиции в “Энеиде” Вергилия» Сергей Александрович опубликовал в ВДИ весьма ценную статью об отражении и формировании в «Анналах» Квинта Энния римской идеологии⁹⁴. Ошеров подчеркивал аристократический дух и такие основные — идеализированные в эпосе — идеологические опоры республики, как «*sapientia* правящих, *concordia* граждан и *ius*, одинаковое для всех»⁹⁵. В тщательно анализируемом произведении исследователь усмотрел «элементы учения о справедливости и мудрости государственного устройства», доктрину «о “нравах предков”, об “исконной доблести” римлян»; опираясь на нее, «поэт создал галерею образов легендарных и исторических деятелей Рима, в которых воплощены все качества, послужившие в дальнейшем основой для конструкции этического идеала *vir bonus*»⁹⁶. Таким выводом С.А. Ошеров как бы состыковал исследование С.Л. Утченко о *vir bonus* у Цицерона (им являлся «идеализированный гражданин римской *civitas*»⁹⁷) со своим исследованием, показав формирование представлений о достойном муже на рубеже III—II в. до н.э.

БИОГРАФИИ ВЫДАЮЩИХСЯ РИМСКИХ ГРАЖДАН

За рассматриваемый период в ВДИ было опубликовано три статьи, написанных в просопографическом ключе, посвященных личностям республиканской эпохи. Перси Борисович Гурвич проанализировал встречающийся 12 раз у Цицерона *nomen gentile Sallustius* (только дважды употреблен *praenomen*) и дал свою аргументацию следующим итоговым наблюдениям: «*a*) автор “*Empedoclea*”; *b*) младший товарищ Цицерона... *c*) Саллюстий — проквестор М. Бибула и *d*) Саллюстий, который в 47 г. помирился с Цезарем — представляют собой одно и то же лицо и тождественны с историком Саллюстием Криспом», при этом еще два упомянутых Саллюстия ему не тождественны⁹⁸.

⁹⁰ Utchenko 1960, 67.

⁹¹ Utchenko 1960, 75.

⁹² Utchenko 1960, 75.

⁹³ См., например, Dement'eva 2010, 132–135.

⁹⁴ Osharov 1958, 84–96.

⁹⁵ Osharov 1958, 90.

⁹⁶ Osharov 1958, 96.

⁹⁷ Utchenko 1954, 32.

⁹⁸ Gurvich 1947, 228.

Две другие статьи в журнале связаны именем Тиберия Гракха, но если одна из них, авторства М.Е. Сергеенко, имеет объектом исследования непосредственно его биографию (точнее сказать, ее версии в нарративной традиции: две дружественных к нему и одну враждебную)⁹⁹, то другая — Владимира Момчиловича Брабича — нумизматические сведения о его потомках, живших во второй половине I в. до н.э.¹⁰⁰

Прочая исследовательская тематика изучения республиканского Рима представлена на страницах ВДИ 1930–1950-х годов лишь единичными публикациями. В их числе одна статья о римских провинциях, написанная А.В. Мишулиным и опубликованная уже после смерти автора¹⁰¹. В ней рассматривается становление органов провинциального управления в Испании в 198–197 гг. до н.э., политика римлян по отношению к провинциальным общинам, изменения в социальной жизни иберийского населения.

Почти не представлена была в ВДИ институциональная история и на уровне изучения центральных органов власти республики, единственным исключением является опубликованная на исходе 1950-х годов статья С.Л. Утченко о римских комициях¹⁰², процессе их «разложения и упадка»¹⁰³, отразившем «процесс разложения самой полисной организации, возникший в силу изменения материальной основы римского общества, т.е. изменения характера и формы собственности»¹⁰⁴. Свое несогласие с отрицанием Утченко факта сохранения римской *civitas* как полисной общины в период заката Республики я уже высказывала¹⁰⁵. В целом же ситуация с публикациями статей по политическим институтам республиканского Рима (столь исключительно редкое их появление) отражала отсутствие выраженного внимания советских историков 1930–1950-х годов к органам публичной власти. Хотя нельзя сказать, что этот пробел в отечественной историографии никого не волновал. Тот же Утченко призывал в 1949 г. изучать государственную организацию и ее изменения, подчеркивая, что она не была раз и навсегда застывшей. Он писал тогда: «Чрезвычайно интересно было бы проследить развитие форм государственной власти в римском рабовладельческом обществе, начиная от раннереспубликанских форм и вплоть до утверждения византийской монархии». При этом он полагал, что государственно-правовые формы нужно исследовать «не как абстрактно-правовые категории, оторванные от своего классового содержания», а как «реальные формы политических отношений»¹⁰⁶. Но призыв этот по большому счету услышан не был. На уровне руководящих академических органов даже принимались решения, в которых обращалось внимание на необходимость разработки такой проблематики применительно к государствам древности. Так, в «Решении бюро отделения истории и философии по отчету журнала “Вестник древней истории” от 7 июля 1953 г.» говорилось: «Журнал не опубликовал, например, ни одной специальной статьи по проблемам базиса и надстройки и их

⁹⁹ Sergeenko 1956, 47–49.

¹⁰⁰ Brabich 1959, 128–129.

¹⁰¹ Mishulin 1949, 40–56.

¹⁰² Utchenko 1959, 83–94.

¹⁰³ Utchenko 1959, 85.

¹⁰⁴ Utchenko 1959, 94.

¹⁰⁵ Dementyeva 2017, 756.

¹⁰⁶ Utchenko 1949a, 8.

взаимоотношения в древнем мире. Слабо разрабатывается проблема возникновения и развития государства»¹⁰⁷.

В процитированном «Решении...» отмечалось также, что «вопросы идеологии и культуры в главном разделе журнала полностью отсутствуют»¹⁰⁸. Но если статьи по идеологии все же публиковались, то специальных статей по римской культуре республиканской эпохи в журнале до конца 1950-х годов так и не появилось (только попутно иногда затрагивались отдельные вопросы¹⁰⁹). По культуре царского периода и предшествующего ему времени была напечатана статья Льва Андреевича Ельницкого, написанная по данным археологии¹¹⁰, но культура более позднего времени римской истории не освещалась. Возможно, это было связано с тем, что задача при изучении культуры ставилась слишком сложная: связать культуру с экономикой, социальным строем и формами классовой борьбы. Критикуя подходы к изучению культуры в западной историографии, Е.М. Штаерман именно за отсутствие раскрытия этой связи делала упрек зарубежным исследователям: «Ставя историю культуры в центре исторического процесса, буржуазные историки рассматривают ее в полном отрыве от эволюции экономики, социального строя, форм классовой борьбы»¹¹¹. Сама Елена Михайловна будет стараться ликвидировать этот отрыв, но это произойдет уже позже. Поэтому редколлегия ВДИ приходилось ограничиваться раскрытием вопросов культуры лишь в обзорах зарубежной историографии, например, в очень информативном очерке Михаила Леоновича Гаспарова об изучении римской литературы в 1950-е годы иностранными филологами¹¹². В довоенный период археологические данные о культовых сооружениях (построенных в VI–II вв. до н.э.) по раскопкам в Италии от 1916 г. до 1930-х годов обобщила Елена Викторовна Ернштедт¹¹³; смерть ее в ленинградскую блокаду прервала научную деятельность этого талантливой историка античного искусства.

Критические обзоры исследований зарубежных историков не только в определенной мере закрывали тематические пробелы советской историографии на страницах ВДИ, они позволяли читателям журнала подробно знакомиться с самыми значимыми достижениями мирового антиковедения. Качественный анализ, разумеется, с позиций формационной теории, давался монографиям Рональда Сайма¹¹⁴, Франца Альтхайма¹¹⁵, Лили Росс Тейлор¹¹⁶, Дитмара Кинаста¹¹⁷ и других авторов. В концентрированном виде и значи-

¹⁰⁷ Решение бюро отделения истории и философии по отчету журнала «Вестник древней истории» 7 июля 1953 г. ВДИ. 1953. № 3. С. 226.

¹⁰⁸ Решение бюро отделения истории и философии... С. 226.

¹⁰⁹ См., например, El'nitskiy 1946, 54–65.

¹¹⁰ El'nitskiy 1958, 142–156.

¹¹¹ Shtaerman 1959, 159.

¹¹² Gasparov 1960, 146–170.

¹¹³ Jernstedt 1940, 187–200.

¹¹⁴ Mashkin 1947a, 116–123.

¹¹⁵ Utchenko 1947a, 123–126.

¹¹⁶ Nemirovskiy 1951b, 169–173.

¹¹⁷ Mayak 1958, 195–197.

тельном охвате давали представление о разработке комплексов проблем обзоры Е.М. Штаерман¹¹⁸, Г.А. Цветаевой¹¹⁹, М.Л. Гаспарова¹²⁰.

Дополнительный вклад в освещение римской истории на страницах ВДИ вносили обзоры археологических находок и публикаций письменных источников, в частности эпиграфических, подготовленные Е.М. Штаерман, в которых при преобладании материала, относящегося к периоду Империи, характеризовались и надписи времен Республики¹²¹, рецензии на издания источников, в том числе и в русском переводе: так, Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек сравнивала разные переводы «Записок» Цезаря¹²².

Небезынтересны для изучения отечественной исторической романистики восприятие советскими учеными монографий своих коллег-соотечественников, выраженное в рецензиях, их исследовательские взгляды, высказанные при обсуждении докладов и учебников, в ходе юбилейных заседаний и нашедшие отражение на страницах журнала. Так, например, любопытно выражение своей позиции В.И. Кузицыным на заседании, посвященном Цицерону, на котором он не соглашался с точкой зрения Е.М. Штаерман, полагая, что развитие производительных сил и роль рабов в производстве в I в. до н.э. были выше, чем в I в. н.э.¹²³

В целом, анализ публикаций ВДИ 1930–1950-х годов, относящихся к римской истории республиканского периода, показывает, что журнал не только дает репрезентативное отражение состояния этой части тогдашнего советского антиковедения (на уровне статей лучших специалистов), но и позволяет понять причины исследовательских приоритетов, увидеть, как соотносили задачи своей научной деятельности отечественные специалисты с общим потоком накопления знаний в данной области мировой историографии. Обращение к текстам их статей — часто глубоких и основанных на пристальном внимании к любым крупницам сведений источников («римские» статьи с доминированием политико-идеологической конъюнктуры над конкретикой, как можно убедиться, были весьма редки) — заставляет задуматься о том, что заметный пласт советской историографии стал незаслуженно забываться нашими современными авторами, разрабатывающими исследовательское поле античной истории. Методологические установки теории общественно-экономических формаций наложили отпечаток и на выбор вопросов для изучения историками советской эпохи, и на трактовки ими исторических явлений и процессов, обусловили определенный угол зрения на объекты исследований, но все это имело далеко не только негативные, но и значимые позитивные стороны. Изучение положения социальных низов римского общества, аграрной истории, вопросов рабовладения и ряда других позволили аккумулировать и детально осмыслить сведения источников, создать новые направления исследований.

¹¹⁸ Shtaerman 1949, 201–210 (в частности, в обзоре подчеркивалось, что американские авторы уделяют особое внимание переходу от республики к принципату: Shtaerman 1949, 203); 1950a, 152–160; 1959, 151–160 (очень содержательный анализ изучения рабства в западной историографии и кризисных периодов в римской истории, включая кризис Республики).

¹¹⁹ Tsvetaeva 1950, 222–232.

¹²⁰ Gasparov 1959, 203–218; 1960, 146–170.

¹²¹ Shtaerman 1946, 188–218; 1950b, 132–141.

¹²² Grabar-Passek 1949, 157–162.

¹²³ Borshch 1958, 221.

Стремление понять политические механизмы жизни римского государства, присущее нашим российским предшественникам в первые послевоенные десятилетия (притом что сами они тогда не разрабатывали сколь-нибудь активно институциональную историю Республики), позволило им задаться вопросами, которые будут подняты как дискуссионные только полвека спустя, как это было с трактовкой характера римской публично-правовой системы. Внимание советских историков-античников к общетеоретическим моментам, в частности к периодизации римской истории, отчетливо проступающее на страницах «Вестника древней истории» 30–50-х годов XX в., заставляет осознавать, что и нам, живущим в первой четверти XXI в., пора на новом уровне знаний так же масштабно и широко ставить исследовательские проблемы, как это делали они.

Литература / References

- Andreev, M. 1955: [Immovable property before the Law of the Twelve Tables in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 142–146.
 Андреев, М. Недвижимая собственность в Риме до двенадцати таблиц. *ВДИ* 1, 142–146.
- Bokscshanin, A.G. 1949: [The battle of Carrhae (the war between Marcus Licinius Crassus and the Parthian Empire in 54–53 B.C.)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 41–50.
 Бокшанин, А.Г. Битва при Каррах (война Марка Лициния Красса с Парфией в 54–53 гг. до н.э.). *ВДИ* 4, 41–50.
- Borshch, I.E. 1958: [The meeting in memory of Cicero]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 219–222.
 Борщ, И.Е. Заседание, посвященное памяти Цицерона. *ВДИ* 3, 219–222.
- Brabich, V.M. 1959: [Tiberius Sempronius Gracchus, a quaestor, and his denarii (on the issue of the descendants of brothers Gracchs)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 128–129.
 Брабич, В.М. Квестор Тиберий Семпроний Гракх и его денарии (к вопросу о потомках братьев Гракхов). *ВДИ* 1, 128–129.
- Bratkin, D.A. 2013: [Epigraphic replication of the Roman judicial records, uniformity of a formular, accurate reproduction of documents and the “special position” (Sonderstellung) of Egypt among the East Roman provinces]. *Voprosy epigrafiki* [Questions of Epigraphy] VII. 1, 510–517.
 Браткин, Д.А. Эпиграфические воспроизведения римских судебных протоколов, единообразие формуляра, точное копирование документов и «особое положение» (Sonderstellung) Египта среди провинций римского Востока. *Вопросы эпиграфики* VII. 1, 510–517.
- Delishcheva, I.F. 1978: [The category of freemen, *qui bona fide serviunt*]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 20–37.
 Делищева, И.Ф. Категория свободных, *qui bona fide serviunt*. *ВДИ* 3, 20–37.
- Dement'eva, V.V. 2003: [E. Ch. Welskopf's “Industrial relations in Ancient East and in Greek and Roman Antiquity” as a historiographical fact: the influence of predecessors]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 13, 18–27.
 Дементьева, В.В. Труд Э.Ш. Вельскопф «Производственные отношения на Древнем Востоке и в греко-римской античности» как факт историографии: влияние предшественников. *ПИФК* 13, 18–27.
- Dementieva, V.V. 2005: Welskopfs “Produktionsverhältnisse im Alten Orient und in der griechisch-römischen Antike” als Gegenstand der Historiographie: der Einfluß ihrer sowjetischen Vorgänger. In: I. Stark (Hrsg.), *Elisabeth Charlotte Welskopf und die Alte Geschichte in der DDR*. Stuttgart, 157–169.
- Dement'eva, V.V. 2010: [Roman civitas in the republican period]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyu polis. Kurs lektsiy* [Classical Polis. A Course of Lectures]. Moscow, 130–175.
 Дементьева, В.В. Римская *civitas* республиканской эпохи. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.), *Античный полис. Курс лекций*. М., 130–175.
- Dement'eva, V.V. 2012: [Quest of a contemporary universal view of ancient history throughout J. Burkhardt's and Eduard Meyer's models]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 357–368.

- Дементьева, В.В. Поиски современного универсального взгляда на древнюю историю сквозь призму моделей Я. Буркхардта и Эд. Мейера. *ЛИФК* 3, 357–368.
- Dementyeva, V.V. 2017: [Categorical apparatus of the «Roman revolution» studies: the term quasi civitas in the Yakov Yu. Mezheritskiy research]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 77/3, 752–768.
- Дементьева, В.В. Категориальный аппарат изучения «римской революции»: понятие «quasi civitas» в исследовании Я.Ю. Межерицкого. *ВДИ* 3, 752–768.
- Dovatur, A.I. 1957: [Orgetorix and Ariovistus (Caesar. Commentaries on the Gallic war)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 104–121.
- Доватур, А.И. Оргеториг и Ареовист (Цезарь. Записки о Галльской войне). *ВДИ* 3, 104–121.
- D'yakov, A.P. 1940: [On the chronology of the first slave rebellion in Sicily in the 2nd cent. B.C.]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3–4, 62–70.
- Дьяконов, А.П. О хронологии первого восстания рабов на Сицилии во II в. до н.э. *ВДИ* 3–4, 62–70.
- D'yakov, V.N. 1940: [Ways of the Roman ingress in the Northern Black Sea region. Pontus and Moesia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3–4, 71–88.
- Дьяков, В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье. Понт и Мезия. *ВДИ* 3–4, 71–88.
- El'nitskiy, L.A. 1938: [Cambridge Ancient History (a review of the publication)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 276–297.
- Ельницкий, Л.А. «Кебриджская древняя история» (Обзор издания). *ВДИ* 3, 276–297.
- El'nitskiy, L.A. 1946: [On the social ideas of Saturnalia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 54–65.
- Ельницкий, Л.А. О социальных идеях сатурналий. *ВДИ* 4, 54–65.
- El'nitskiy, L.A. 1958: [At the beginning of the Roman culture and statehood]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 142–156.
- Ельницкий, Л.А. У истоков древнеримской культуры и государственности. *ВДИ* 3, 142–156.
- Evans, A. 1939: [Cretan linear script]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 10–39.
- Эванс, А. Критское линейное письмо. *ВДИ* 3, 10–39.
- Gasparov, M.L. 1959: [New foreign literature on the Roman civil wars]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 203–218.
- Гаспаров, М.Л. Новая зарубежная литература о гражданских войнах в Риме. *ВДИ* 2, 203–218.
- Gasparov, M.L. 1960: [Roman literature in contemporary bourgeois philology]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 146–170.
- Гаспаров, М.Л. Римская литература в современной буржуазной филологии. *ВДИ* 4, 146–170.
- Gavrilov, A.K., Kazanskiy, N.N. 1993: [On the centenary of M.E. Sergeenko]. *Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny [Auxiliary sciences of History]* XXIV, 316–328.
- Гаврилов, А.К., Казанский, Н.Н. К 100-летию М.Е. Сергеевко. *Вспомогательные исторические дисциплины* XXIV, 316–328.
- Grabar-Passek, M.E. 1949: [Rev.: Gaius Julius Caesar's Commentaries / Transl. and comment. by M.M. Pokrovskiy. M. – L., 1948]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 157–162.
- Грaбарь-Пассек, М.Е. [Рец.:] Записки Юлия Цезаря / Пер. и комм. М.М. Покровского. М. – Л., 1948. *ВДИ* 2, 157–162.
- Gurvich, P.B. 1947: [Sallustii in Cicero's letters]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 217–228.
- Гурвич, П.Б. Sallustii в письмах Цицерона. *ВДИ* 2, 217–228.
- Gurvich, P.B. 1949: [Cicero and lex Servilia agraria]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 241–250.
- Гурвич, П.Б. Цицерон и lex Servilia agraria. *ВДИ* 2, 241–250.
- Heinen, H. 2014: [Rise and decline of soviet slavery research. A study on the interrelation between politics and science]. Transl. from German by E.V. Lyapustina. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 143–178.
- Хайнен, Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве. Очерк о взаимосвязи политики и науки. Пер. с нем. Е.В. Ляпустиной. *ВДИ* 4, 143–178.
- Henderson, M.I. 1946: [Julius Caesar and Latium in Spain]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 57–69.
- Гендерсон, М.И. Юлий Цезарь и латинское право в Испании. *ВДИ* 3, 57–69.
- Hrozny, V. 1937a: [In five Soviet republics]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 14–23.
- Грозный, Ф. В пяти советских республиках. *ВДИ* 1, 14–23.

- Hrozny, B. 1937b: [On the “Hittite” hieroglyphs on the Tell Ahmar steles]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 24–32.
- Грозный, Ф. О «хеттских» иероглифах на стелах тель-Амара. *ВДИ* 1, 24–32.
- Hrozny, B. 1938: [The Hittite folks and their languages]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 18–33.
- Грозный Ф. Хеттские народы и их языки. *ВДИ* 2, 18–33.
- Hrozny, B. 1940a: [Indus scripts and its decipherment]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 15–34.
- Грозный, Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка. *ВДИ* 2, 15–34.
- Hrozny, B. 1940b: [Prehistoric fates of Anterior Asia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3–4, 15–23.
- Грозный, Б. Доисторические судьбы Передней Азии. *ВДИ* 3–4, 15–23.
- Ivanov, Yu.A. 1940: [Catiline’s conspiracy and its social basis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 69–81.
- Иванов, Ю.А. Заговор Катилины и его социальная база. *ВДИ* 1, 69–81.
- Jernstedt, E.V. 1940: [The new advances in study of cult monuments in Etruria and Latium]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 187–200.
- Ернштедт, Е.В. Новые достижения в изучении памятников культа Этрурии и Лациума. *ВДИ* 1, 187–200.
- Kallistov, D.P. 1938a: [Essays on the history of Bosphorus in the Roman period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 276–286.
- Каллистов, Д.П. Этюды из истории Боспора в римский период. *ВДИ* 2, 276–286.
- Kallistov, D.P. 1938b: [Essays on the history of Bosphorus in the Roman period (political relationship between Rome and Bosphorus under kings Pharnaces and Asander)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 174–183.
- Каллистов, Д.П. Этюды из истории Боспора римского времени (политические взаимоотношения Рима и Боспора при царях Фарнаке и Асандре. *ВДИ* 4, 174–183.
- Karpyuk, S.G. 2017: [Vestnik drevney istorii: the beginning]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/3, 772–777.
- Карпюк, С.Г. «Вестник древней истории»: начало. *ВДИ* 77/3, 772–777.
- Kofanov, L.L. 2000: [Nature of colleges and the problem of the undivided collective property *erctum non citum* in the Law of the Twelve tables]. *Antikovedenie i medievistika* [Classical and Medieval Studies] 2, 14–25.
- Кофанов, Л.Л. Характер коллегий и проблема неразделенной коллективной собственности *erctum non citum* в законах XII таблиц. *Антиковедение и медиевистика* 2, 14–25.
- Korzheva, K.P. 1974: [Spartacus’ rebellion in the Soviet historiography]. *Voprosy istorii* [Questions of History] 10, 118–134.
- Коржева, К.П. Восстание Спартака в советской историографии. *Вопросы истории* 10, 118–134.
- Korzhinskiy, Ya.N. 1957: [Slave’s attitude to manumission (on materials of the Roman comedy)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 149–158.
- Коржинский, Я.Н. Отношение раба к выходу на волю (по материалам римской комедии). *ВДИ* 3, 149–158.
- Kuzishchin, V.I. 1957: [On the extent of *latifundia* in Italy in the Late Republic]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 64–80.
- Кузищин, В.И. О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики. *ВДИ* 1, 64–80.
- Kuzishchin, V.I. 1960a: [On *latifundia* in the 2nd century B.C. (on the interpretation of the 7th book of Appian’s “Civil Wars”)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 46–60.
- Кузищин, В.И. О латифундиях во II в. до н.э. (о толковании 7-й гл. I книги «Гражданских войн» Аппиана). *ВДИ* 1, 46–60.
- Kuzishchin, V.I. 1960b: [Rev.:] М.Е. Sergeenko. Ocherki po sel’skomu khozyaystvu drevney Italii. М.—Л., 1958. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 142–145.
- Кузищин, В.И. [Рец.:] М.Е. Сергеевко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. *ВДИ* 2, 142–145.
- Kuzishchin, V.I. 1974: [The concept “socio-economic formation” and the periodisation of ancient slave society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 69–87.
- Кузищин, В.И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества. *ВДИ* 3, 69–87.

- Kuzovkov, D.V. 1954: [On the conditions conducive to differences in the development of slavery and to the most developed slavery in the Antiquity (notes of an economist)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 108–119.
- Кузовков, Д.В. Об условиях, породивших различия в развитии рабства, и его наивысшее развитие в античном мире (заметки экономиста). *ВДИ* 1, 108–119.
- Lemann-Haupt, K.F. 1937: [Advances in the study of ancient history over the past fifty years]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 39–65.
- Леманн-Гаупт, К.Ф. Успехи изучения древней истории за последние пятьдесят лет. *ВДИ* 1, 39–65.
- Lewis, N. 1939: [From the history of the Roman oppression in Egypt (μερίσμός ἀνακεχωρηκότων)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 19–33.
- Льюис, Н. Из истории римского гнета в Египте (μερίσμός ἀνακεχωρηκότων). *ВДИ* 1, 19–33.
- Lyapustina, E.V. 1992: [Afterword]. In: Höfling, H. [Rimlyane, raby, gladiatory. Spartak u vorot Rima [Römer, Sklaven, Gladiatoren. Spartakus vor den Toren Roms]. Transl. from German. Moscow, 253–260.
- Ляпустина, Е.В. Последействие. В кн.: Хёфлинг, Г. Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима. Пер. с нем. М.С. Осиповой, послесл. и коммент. Е.В. Ляпустиной. М., 253–260.
- Manandyan, Ya.A. 1939: [Pompey's circular way in Transcaucasia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 70–82.
- Манандян, Я.А. Круговой путь Помпея в Закавказье. *ВДИ* 4, 70–82.
- Manandyan, Ya.A. 1940: [The route of Pompey's Pontic campaign and the way of Mithridates' retreat in Colchis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3–4, 89–100.
- Манандян, Я.А. Маршрут понтийского похода Помпея и путь отступления Митридата в Колхиду. *ВДИ* 3–4, 89–100.
- Mashkin, N.A. 1947a: [Rev.:] R. Syme. The Roman Revolution. Oxf. 1939. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 116–123.
- Машкин, Н.А. [Рец.:] R. Syme. The Roman Revolution. Oxf. 1939. *ВДИ* 1, 116–123.
- Mashkin, N.A. 1947b: [Roman political parties in the end of the 2nd and in the beginning of the 1st cent. B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 126–139.
- Машкин, Н.А. Римские политические партии в конце II и начале I в. до н.э. *ВДИ* 3, 126–139.
- Mashkin, N.A. 1949a: [The last century of Punic Carthage]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 40–55.
- Машкин, Н.А. Последний век пунического Карфагена. *ВДИ* 2, 40–55.
- Mashkin, N.A. 1949b: [On the revolutionary movement of slaves and coloni in the Roman Africa]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 51–61.
- Машкин, Н.А. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. *ВДИ* 4, 51–61.
- Mashkin, N.A. 1960: [On the tenth anniversary since N.A. Mashkin's death]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 124–128.
- К 10-летию со дня смерти Н.А. Машкина. *ВДИ* 3, 124–128.
- Mayak, I.L. 1956: [The nature and the role of colonia Romana in the extension of Roman power in the Apennine Peninsula]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 145–153.
- Маяк, И.Л. Характер и роль colonia Romana в распространении римской власти на Апеннинском полуострове. *ВДИ* 2, 145–153.
- Mayak, I.L. 1958: [Rev.:] Dietmar Kienast. Cato der Zensor, Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 195–197.
- Маяк, И.Л. [Рец.:] Dietmar Kienast. Cato der Zensor, Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954. *ВДИ* 3, 195–197.
- Mishulin, A.V. 1937: [On the history of Spartacus' rebellion in Ancient Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 133–142.
- Мишулин, А.В. К истории восстания Спартака в древнем Риме. *ВДИ* 1, 133–142.
- Mishulin, A.V. 1938: [For the advanced study of the ancient history. On the creation of the Marxist History of Ancient World]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 5–17.
- Мишулин, А.В. За передовую науку по древней истории. К построению марксистской «Истории древнего мира» АН СССР. *ВДИ* 2, 5–17.
- Mishulin, A.V. 1940a: [On the research of the role of war and military production in ancient time]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 219–230.
- Мишулин, А.В. К изучению роли войны и военного производства древности. *ВДИ* 1, 219–230.

- Mishulin, A.V. 1940b: [Greek poliorcetics on the siege warfare]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3–4, 385–393.
- Мишулин, А.В. Греческие полиоркетики об искусстве осады городов. *ВДИ* 3–4, 385–393.
- Mishulin, A.V. 1949: [On the emergence of the Roman provincial offices in Spain]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 40–56.
- Мишулин, А.В. О возникновении римского провинциального управления в Испании. *ВДИ* 1, 40–56.
- Motus, A.A. 1957: [On the date of the beginning of Spartacus' rebellion]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 158–166.
- Мотус, А.А. О датировке начала восстания Спартака. *ВДИ* 3, 158–166.
- Myakin, T.G. 2007a: [The judiciary law of Gaius Sempronius Gracchus: documentary source and literary tradition]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 27–47.
- Мякин, Т.Г. Судебный закон Гая Семпрония Гракха: документальный первоисточник и литературная традиция. *ВДИ* 4, 27–47.
- Myakin, T.G. (ed.) 2007b: *Lex Acilia (Sempronia) de iudiciis repetundarum* (122 BC). [Translation from Latin, preface and commentaries by T.G. Myakin]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 225–246.
- Закон Ацилия (Семпрония) о судах по взысканию денег, полученных незаконным путем (122 г. до н.э.). Перевод с латинского, предисловие и комментарии Т.Г. Мякина. *ВДИ* 4, 225–246.
- Mühlenstein, H. 1938: [Historical significance of the Etruscan question (extract from the report delivered at the meeting of the historical section of the USSR Academy of Sciences in Leningrad on the 16th of December 1937)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 49–64.
- Мюленштейн, Г. Историческое значение вопроса об этрусках (извлечение из доклада, прочитанного на заседании исторической секции Академии наук СССР в Ленинграде 16 декабря 1937 г.). *ВДИ* 4, 49–64.
- Nemirovskiy, A.I. 1951a: [On the composition of juries in terms of the lex Acilia repetundarum]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 222–225.
- Немировский А.И. К вопросу о составе судебных комиссий по закону Ацилия о вымогательстве. *ВДИ* 2, 222–225.
- Nemirovskiy, A.I. 1951b: [Rev.:] L. Ross Taylor. Party politics in the age of Caesar. Los Angeles, 1949. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 169–173.
- Немировский, А.И. [Рец.:] L. Ross Taylor. Party politics in the age of Caesar. Los Angeles, 1949. *ВДИ* 3, 169–173.
- Nielsen, D. 1937: [The Biblical religion in the light of the latest archaeological excavations]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 94–113.
- Нильсен, Д. Библейская религия в свете новейших археологических раскопок. *ВДИ* 1, 94–113.
- Nielsen, D. 1938: [On the ancient Arabian culture and religion]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 36–48.
- Нильсен, Д. О древнеарабской культуре и религии. *ВДИ* 3, 36–48.
- Oshero, A.S. 1958: [On the first literary adaptation of the Roman republican ideology (Quintus Ennius' *Annales*)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 84–96.
- Ошеров, А.С. О первом литературном оформлении римской республиканской идеологии («Анналы» Квинта Энния). *ВДИ* 3, 84–96.
- Protasova, S.I. 1938: [History of the Ancient World constructed by Ed. Meyer]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 298–313.
- Протасова, С.И. История древнего мира в построении Эд. Мейера. *ВДИ* 3, 298–313.
- Seletskiy, V.P. 1957: [On the date of the loose of Cirta by the Romans during the Jugurthine war]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 167–169.
- Селецкий, В.П. О датировке потери римлянами Цирты во время войны с Югуртой. *ВДИ* 3, 167–169.
- Sergeev, V.S., Mashkin, N.A. 1938: [On the construction of the history of Ancient Rome in the “History of the Ancient World” of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 345–350.
- Сергеев, В.С., Машкин, Н.А. О построении истории Рима в «Истории древнего мира» АН СССР. *ВДИ* 3, 345–350.
- Sergeenko, M.E. 1946: [Saserna and his fragments]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 70–80.
- Сергеенко, М.Е. Сазерна и его фрагменты. *ВДИ* 3, 70–80.
- Sergeenko, M.E. 1947: [Scrofa and the apology of large-scale landholding]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 64–69.

- Сергеенко, М.Е. Скорофа и апология крупного землевладения. *ВДИ* 4, 64–69.
- Sergeenko, M.E. 1948: [Agriculture in Cato's works]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 206–208.
- Сергеенко, М.Е. Полевое хозяйство у Катона. *ВДИ* 4, 206–208.
- Sergeenko, M.E. 1949: [Cato's "scale of profitability" of different lands]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 86–91.
- Сергеенко, М.Е. Катонская «шкала доходности» различных земельных угодий. *ВДИ* 1, 86–91.
- Sergeenko, M.E. 1953: [From the history of agriculture of ancient Italy]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 65–76.
- Сергеенко, М.Е. Из истории сельского хозяйства древней Италии. *ВДИ* 3, 65–76.
- Sergeenko, M.E. 1956: [Three versions in the Plutarch's life of Tiberius Gracchus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 47–49.
- Сергеенко, М.Е. Три версии в Плутарховой биографии Тиберия Гракха. *ВДИ* 1, 47–49.
- Shereshevskiy, I.V. 1955: [Legal regulation of "wage labor" in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 39–50.
- Шерешевский, И.В. Правовое регулирование «наемного труда» в Риме. *ВДИ* 1, 39–50.
- Shofman, A.S. 1985: [A.V. Mishulin as a historian of antiquity]. In: M.V. Nechkina (ed.), *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik. 1981* [History and Historians. Annuary of Historiography. 1981]. Moscow, 84–204.
- Шофман, А.С. А.В. Мишулин как историк античности. В кн.: М.В. Нечкина (отв. ред.), *История и историки. Историографический ежегодник. 1981*. М., 84–204.
- Schrot, G. 1959: [On the profitability of agriculture in Rome in the Late Republic]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 56–82.
- Шрот, Г. О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце Республики. *ВДИ* 2, 56–82.
- Shtaerman, E.M. 1946: [Survey of discoveries in the Latin epigraphy in the 20th century]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 188–218.
- Штаерман, Е.М. Обзор открытий латинской эпиграфики за XX век. *ВДИ* 4, 188–218.
- Shtaerman, E.M. 1949: [Recent American literature on the history of ancient Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 201–210.
- Штаерман, Е.М. Современная американская литература по истории древнего Рима. *ВДИ* 4, 201–210.
- Shtaerman, E.M. 1950a: [Cicero and Caesar in the post-war bourgeois literature]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 152–160.
- Штаерман, Е.М. Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе. *ВДИ* 3, 152–160.
- Shtaerman, E.M. 1950b: [Latin inscriptions published in 1944–1949]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 132–141.
- Штаерман, Е.М. Латинские надписи, опубликованные в 1944–1949 гг. *ВДИ* 4, 132–141.
- Shtaerman, E.M. 1959: (review article) [History of ancient Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 151–160.
- Штаерман, Е.М. История древнего Рима. *ВДИ* 1, 151–160 (обзор в разделе «О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии»).
- Smirin, V.M. 1958: [On the political position of Cicero in the period of Sulla's dictatorship (an essay of analysis of the early speeches)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 88–103.
- Смирин, В.М. О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры (опыт разбора ранних речей). *ВДИ* 4, 88–103.
- Svanidze, A.S. 1937: [Our aims]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 5–13.
- Сванидзе, А.С. Наши задачи. *ВДИ* 1, 5–13.
- Tarkov, P.N. 1950: [On the history of international relations in the Ancient world]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 28–36.
- Тарков, П.Н. К истории международных отношений в античном мире. *ВДИ* 2, 28–36.
- Tarkov, P.N. 1956: [On the experience of periodization of the Roman history]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 130–138.
- Тарков, П.Н. К опыту периодизации римской истории. *ВДИ* 4, 130–138.
- Trukhina, N.N. 1986: *Politika i politiki "zlotogo veka" Rimskoy respubliki*. [Politics and Politicians in the "Golden Age" of the Roman Republic]. Moscow.
- Трухина, Н.Н. *Политика и политики «золотого века» Римской республики*. М.
- Tsvetaeva, G.A. 1950: [Archaeological discoveries in Italy in recent years]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 222–232.
- Цветаева, Г.А. Археологические открытия в Италии за последние годы. *ВДИ* 3, 222–232.

- Tsvetaeva, G.A. 1947: [The popular unrest in Rome after Julius Caesar's murder (March–April 44 B.C.)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 226–232.
Цветаева, Г.А. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март–апрель 44 г. до н.э.). *ВДИ* 1, 226–232.
- Utchenko, S.L. 1947a: [The origin of the plebeian organization. F. Altheim. Lex sacrata. Amsterdam, 1940]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 123–126.
Утченко, С.Л. Происхождение плебейской организации. Ф. Алтгейм. Lex sacrata. Amsterdam, 1940. *ВДИ* 1, 123–126.
- Utchenko, S.L. 1947b: [Issues of research of ancient society and coverage of these issues in “Journal of Ancient History”]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 3–10.
Утченко, С.Л. Проблемы изучения древнего общества и освещение их в «Вестнике древней истории». *ВДИ* 4, 3–10.
- Utchenko, S.L. 1948: [Sallustius' views on an ideal state organization (Report at the department of ancient history of the Institute of history of the USSR Academy of Sciences on January 13, 1947)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 190–202.
Утченко, С.Л. Воззрения Саллюстия на идеальное государственное устройство (Доклад, прочитанный в секторе древней истории Института истории АН СССР 13 января 1947 г.). *ВДИ* 1, 190–202.
- Utchenko, S.L. 1949a: [Problems of studying political institutions of slave society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 3–9.
Утченко, С.Л. Проблемы изучения государственных форм рабовладельческого общества. *ВДИ* 2, 3–9.
- Utchenko, S.L. 1949b: [Cicero's doctrine of a mixed constitution]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 74–85.
Утченко, С.Л. Учение Цицерона о смешанной форме государственного устройства. *ВДИ* 3, 74–85.
- Utchenko, S.L. 1950: [The evolution of Sallustius' political view (“Letters to Caesar” – “Histories”)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 229–254.
Утченко, С.Л. Развитие политических воззрений Саллюстия («Письма к Цезарю» – «История»). *ВДИ* 1, 229–254.
- Utchenko, S.L. 1951: [On the class structure of ancient slave society]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 15–21.
Утченко, С.Л. О классовой структуре античного рабовладельческого общества. *ВДИ* 4, 15–21.
- Utchenko, S.L. 1953: [The Roman slave society in the middle of the 2nd cent. B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 157–165.
Утченко, С.Л. Римское рабовладельческое общество в середине II в. до н.э. *ВДИ* 4, 157–165.
- Utchenko, S.L. 1954: [Cicero's doctrine of an “ideal citizen” (vir bonus)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 21–32.
Утченко, С.Л. Учение Цицерона об «идеальном гражданине» (vir bonus). *ВДИ* 3, 21–32.
- Utchenko, S.L. 1959: [Crisis of popular assemblies in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 83–94.
Утченко, С.Л. Кризис комициального устройства в Риме. *ВДИ* 2, 83–94.
- Utchenko, S.L. 1960: [An idea of popular sovereignty in Rome]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 58–75.
Утченко, С.Л. Идея народного суверенитета у римлян. *ВДИ* 2, 58–75.
- Utchenko, S.L., Shtaerman, E.M. 1960: [On some problems of the history of slavery]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 9–21.
Утченко, С.Л., Штаерман, Е.М. О некоторых вопросах истории рабства. *ВДИ* 4, 9–21.
- Virolleaud, Ch. 1937: [Ras Shamra, or the newfound Phoenician literature]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 78–86.
Виролло, Ш. Рас-Шамра, или вновь найденная финикийская литература. *ВДИ* 1, 78–86.